Литературное объединение «Северный огонёк»

Созвучия и контрасты

Сургутское городское литературное объединение
«Северный огонёк»

Созвучия и контрасты

(Стихи и проза)

Сургут
2016

ББК 84(2=411.2)6
С58

С58 Литературное объединение «Северный огонёк». Созвучия и контрасты. Стихи и проза. – Ханты-Мансийск: Акционерное общество «Издательский дом «Новости Югры», 2016. – 264 с.

Литературно-художественное издание
12+
Издание не рекомендуется детям младше 12 лет

СОЗВУЧИЯ И КОНТРАСТЫ
Стихи и проза

Редактор-составитель *Елистратова Л. Н.*
Корректор *Коробкина Л. А.*
Вёрстка *Елистратов Е. Н.*

Подписано в печать 01.03.2016 г. Формат 84x108/32. Бумага офсетная. Гарнитура Palatino Linotype. Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,90. Тираж 500. Заказ

Акционерное общество «Издательский дом «Новости Югры». Ханты-Мансийский автономный округ – Югра. г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, 46. Тел. (3467) 333-725. www.ugra-news.ru

© Сургутское городское литературное объединение «Северный огонёк», 2016
© Акционерное общество «Издательский дом «Новости Югры», 2016

ISBN 978-5-4422-0060-7

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ СБОРНИКА

Сборник, который мы предлагаем вашему вниманию, составлен из стихов и небольших рассказов действующих участников литературного объединения «Северный огонёк» города Сургута.

В нём — большой коллективный труд людей, неравнодушный взгляд которых позволяет запечатлеть события, мгновения и эмоции с помощью выразительной русской речи.

Прикоснитесь к совершенно разноплановому творчеству жителей северного края. В этих строках восхищение вечно изменяющейся красотой природы, обращение к истории страны и истокам духовности, к богатому внутреннему миру человека, сожаление об утраченном сельском быте и стремительная жизнь современного города.

В наши дни, рациональные и прагматичные, очень важно сохранить духовные связи между людьми, не дать за повседневностью забыть о возвышенном, что всегда отличало ищущего человека. И пусть этот сборник станет вашим проводником в мир прекрасного.

Елистратова Людмила,
член ЛитО «Северный огонёк»

СТИХИ И ПРОЗА

Анжелика Бивол
Леонид Гайкевич
Алексей Горский
Егор Елистратов
Людмила Елистратова
Елена Инчоль
Дана Инчоль
Нина Календарева
Александр Козловский
Любовь Коробкина
Александра Лазарева
Надежда Лишманова
Александр Любякин
Николай Ослоповских
Людмила Премудрых
Вячеслав Сазанович
Наира Симонян
Маргарита Сладкова
Сергей Сметанин
Никон Сочихин
Алексей Томшин
Виктория Федина
Людмила Фомина-Яблуновская

Анжелика Бивол

РОССИЯ-МАТЬ

Россия-мать, и боль моя, и сила,
Ты испокон страдалицей была.
Тебя татаров полчище месило.
Ты, отпылав, ещё сильней цвела.

Пытались иноземцы многократно
Поставить на колени, покорить.
Своих сынов являя подвиг ратный,
Ты побеждала, продолжая жить.

И все невзгоды, боли, испытанья
Вновь одолеешь, верую в тебя,
И птицей белой в ангельском сияньи
Взлетишь над миром, всех и вся любя!

РОССИЯ

Россия — это белые берёзы,
Россия — в спелом поле васильки,
Трескучие сибирские морозы,
Есенина и Пушкина стихи.

Россия сердобольна и сурова,
Приветив всех, проводит «по уму».
Мудра, чиста и жертвенна, готова
Принять хулу, напраслину, суму.

Россия необъятна, бесконечна,
Бела снегами, реками чиста,
Устремлена крестами храмов в вечность,
Как ситец луговых цветов, проста.

СЛОВО

Оно — начало жизни и основа,
Молитва и спасение от бед.
Простое человеческое слово —
Кромешный мрак и негасимый свет.

Оно — оружие, и ранит больно,
Коль в душу ненароком попадёт,
Оно — зерно, намеренно ль, невольно,
В сердца людей попав, произрастёт.

Оно сияет нам из тьмы столетий,
Оно от колыбели — хлеб и свет.
Мы все за слово русское в ответе,
В нём память предков, пращуров завет.

НАШ ЯЗЫК

Наш язык, как ручей речист,
Говорлив, голосист и звонок,
Как водица святая, чист,
Словно дождика струны, тонок.

Наш язык, как вода в реке:
По равнине течёт могуче,
Малой струйкой пройдёт в песке,
Упадёт водопадом с кручи.

Наш язык, как икона, свят,
Как ученая книга, труден,
Как столичный купец, богат,
Прост — среди каждодневных буден.

Наш язык всё в себя вместил:
Ширь полей и садов цветенье,
Память предков и прах могил,
Вековое к добру стремленье.

ЗАБРОШЕНЫ КНИЖКИ

Заброшены классиков толстые книжки,
И добрые фильмы уже не в чести.
Кто в «Доту»*, кто в «Танки»*, играют детишки,
Знакомятся тоже всё больше в сети.

Кино — на компьютере, музыка — тоже,
Не трогают сердце, плюют на мораль.
Взрослеют бездумно Наташи, Серёжи,
Не зная волнений души. Очень жаль.

И что же нам делать? Как наше богатство —
Детей — от бездушного тлена спасти,
От их равнодушия и святотатства,
Открыть несмышлёным другие пути?

Где Родина — свята, и честь — неподкупна,
Где дружба — навек, и любовь — навсегда.
Где наша страна для врага неприступна,
Где чисты и светлы её города.

А нужно, чтоб каждый вложил свою лепту,
Посеял бы в детские души добро.
Я просто не знаю другого «рецепта»,
Готовя свой вклад, я берусь за перо...

* Дота, танки — популярные компьютерные игры Dota и World of Tanks

ЛУКОМОРЬЕ

Ах, эта дивная страна,
Где лес и дол видений полны,
И где морская глубина
Богатырей рождает в волнах.

Где дуб растёт могуч, высок,
Где кот учёный шепчет сказки,
Царевна-Лебедь на песок
Выходит к людям без опаски.

Я с детских лет стремлюсь найти
То золотое Лукоморье.
Какие тайные пути
Ведут к прекрасному приволью?

Где торжествует вновь добро,
Где все наказаны пороки.
Поэт народный так мудро
Наполнил смыслом сказок строки.

И я сверяю жизнь свою
По строкам Пушкина заветным.
Ему внимаю и пою
Слова, что душу полнят светом.

Ах, эта дивная страна!
И, становясь мудрей и старше,
Я понимаю, что она
Давно сияет в душах наших!

ПУАНТЫ

Старьёвщик в лавке наводил порядок.
Отправил в мусор старое манто,
Уж больно внешний вид его был жалок:
— Пожалуй, и не купит уж никто.

Избавился от стопочки журналов,
Все старые, им лет по семь, по пять,
Десяток кружек треснувших, бокалов:
— Ну, сколько можно пыль здесь собирать?

Среди тряпья под старой ветхой шляпкой
Блеснул пуантов розовый шнурок.
Старьёвщик разом всё схватил охапкой
И на помойку груду поволок.

Из рук немытых выпали пуанты,
На мостовой сияет туфель шёлк.
Прохожий — седовласый, импозантный —
К находке странной тихо подошёл.

Он их узнал по вензелю на ленте —
Изящной букве, шитой серебром!
Два дня спустя красавице-легенде
Доставлена посылка прямо в дом.

Восторг и слезы, и воспоминанья,
И ночь без сна — до утренней зарницы.
Вернули снова счастье и страданье
Пуанты старые великой танцовщице!

ТРАМВАЙ НЕСБЫВШИХСЯ ЖЕЛАНИЙ

Вернулись в парк уставшие трамваи,
Лишь колесит по улицам ночным
Пустой трамвай несбывшихся желаний
И сказкой наполняет людям сны.

Вновь оживают радости былые,
Встречаются влюблённые опять,
Кружатся карусели расписные,
Лошадок резвых просто не унять.

Прекрасен сон, и счастье так возможно!
И снова слышен мамин шепоток,
Поправит одеяло осторожно:
— Умаялся? Ну, спи скорей, сынок!

Трамвай кружит до самого рассвета
И, зазвонив, взмывает в небеса.
А люди ищут в вечности ответа –
Кто по ночам «включает» чудеса?

СВЕТ ЗАЖИГАЕТСЯ

Свет зажигается в окнах Сургута.
Вечер привычно пришёл на порог,
Отдохновение дарит кому-то
На перекрёстке житейских дорог.

Свет зажигается в окнах… И, значит,
День отзвенел, можно тихо вздохнуть,
Переосмыслить дела и задачи,
Суетный час проводив в добрый путь.

Свет зажигается. В жизненном море
Окна сияют нам, как маяки.
Вышиты звёзды на неба подоле.
Доброй вам ночи, мои земляки!

ЧУДО

Сказка

Маринка боялась всего на свете. В магазин пойти одна, без подруг, боялась — вдруг купит что-то не то. В больницу пойти — боялась, вдруг неизлечимую болезнь у неё найдут. Если начальник вызывал Маринку к себе в кабинет, она вся синела от испуга, начинала заикаться и дрожать. Поэтому каждый день для девушки был настоящим испытанием.

И однажды Маринка устала бояться.

— Сколько можно? — спросила она, подняв глаза к потолку.

— Это ты о чём? — раздался голос в комнате.

— Ой, кто тут, — девушка от испуга подпрыгнула.

— Кто-то, ты сейчас с кем разговаривала?

— Н-н-незнаю, — неуверенно ответила девушка.

— Ну, вот! Ничего не знают, а претензии миру предъявлять берутся! — проговорило невидимое существо приятным баритоном.

— Нет, ну чего ты ругаешься? Влез в мой дом, в мои мысли, в мою жизнь, наконец, и разоряется, бестолковой меня считает! Ты уж, будь добр, отвечай, кто ты, откуда и зачем здесь появился, а то я, знаешь, от страха уже визжать готова, — дрожащим голосом выдала девушка целую тираду.

— Да Чудо я! Обычное Чудо! Устало я смотреть, как же тебя корёжит каждый день, и ты ничегошеньки не делаешь для того, чтобы перестать бояться всего на свете, и

стать, наконец, счастливой. Ты же даже помощи просить боишься!

— Помощи? У кого? — Маринка вытаращила глаза от удивления.

— Ну, вот у меня, например! Неужели ты, девица, никогда о чудесах не слышала? Неужто не знаешь, что, если людям трудно, страшно или просто невесело, они о чуде просят?

— Ну, слышала… Но, я и чудо!? Нет, о таком я и подумать не могла никогда…

— Ну, вот я здесь, я — Чудо! Спрашивай, проси, чего хочешь?»

— Ой, дорогое, неожиданно свалившееся на меня Чудо, научи меня, пожалуйста, как мне справиться со своими страхами, помоги впустить в свою жизнь радость и счастье.

— А знаешь ли ты, девица красная, что чудеса практически во всех сказках своими руками делаются? И что за ними, порой, нужно идти туда — не знаю куда?

И, пока Маринка открывала рот для протестующего возгласа, продолжило:

— Отправляйся-ка ты одна в магазин, сама выбери наикрасивейшие на твой взгляд нитки, бусины, шнурочки, тесёмочки и сотвори для себя любимой красивую брошь.

— Брошь?!!! — недоуменно протянула Маринка, — вот только броши мне и недоставало. Я тебя о серьёзных вещах спрашиваю. А ты!

— Это и есть серьёзная вещь, самая нужная вещь тебе в данный момент. Когда ты приступишь к её изготовлению,

повторяй про себя заклинание: «Сама творю, себе дарю, меня от страхов защитит, несчастий разных и обид».

— Ну, ты Чудо! Ну, ты даёшь! Ты само-то в это веришь?! Двадцать первый век на дворе! А оно — заклинание!

Маринка была готова разрыдаться от разочарования.

— Девица, запомни раз и навсегда: В ЭТО НЕ НУЖНО ВЕРИТЬ, ЭТО НУЖНО ДЕЛАТЬ! Ещё бабки и прабабки ваши вышивали-вязали, рукодельничали, заговаривали платочки и шали, рушники на счастье и удачу, на любовь и доброе здоровье. А вы все образованные стали, грамотные, а главное знание забыли: сказку своей жизни мы пишем сами. Своими делами и мыслями. Вот какую пишем сказку, такая и жизнь получается. Ты, вон, глаза не успеешь открыть, о чём думаешь? «Ой, сегодня совещание, опять это Иванов орать на меня будет». И он, конечно, орёт. Ты ж сама у Вселенной этого просишь!

— Я прошу? — Маринка рот открыла от такой вопиющей несправедливости.

— А ты бы, девица, подумала: «Совещание сегодня, наверняка, похвалит меня Иванов, я на прошлой неделе много важного и полезного для компании сделала». Вселенная услышит тебя и обязательно приятность приготовит.

Так, девица, заболталось я с тобой, давай-ка, надевай пальтишко, и дуй в магазин, пока не закрылся.

— Чудо, а у меня на антресолях много всяких клубочков есть, может, я оттуда что-нибудь выберу? — с надеждой протянула девушка.

— Нет, это всё уже столетней пылью покрылось…

— Ну, Чудо! Откуда в моём доме столетняя пыль? — возмутилась Маринка. — Я девушка ещё молодая…

— Ладно, это я так, иносказательно. Просто тебе сейчас нужно то, что само в руки попросится, то, что ты не сможешь не забрать с собой, то, что сердце твоё выберет, не голова.

Не было Маринки долго, Чудо уж даже волноваться начало.

А, надо вам сказать, что Маринка-то знатная рукодельница была, ещё в школе своим куклам одежду вязала. Попав сегодня в магазин рукоделия, она и бояться забыла: так её увлёк выбор ниток. Девушка их разглядывала, щупала, нюхала, думала, представляла, что с чем скомбинировать можно. Продавца утомила до невозможности. Зато домой вернулась румяная от удовольствия.

Явилась и спрашивает:

— Чудо, ты здесь?

— Да здесь, здесь. Ты где так долго-то?

— Ты знаешь, я ж сто лет в таких магазинах не была…

— Как сто лет? Ты — девица ещё молодая… — попыталось съязвить Чудо, но Маринка даже внимания не обратила.

— Там столько красоты, — восхищалась девушка. И давай выгребать из пакета нитки, спицы, бусины.

— Да у тебя тут на десяток брошек хватит!

— А я десяток и сделаю! Менять их буду к каждому платью, — мечтательно произнесла Маринка, — или подарю кому-нибудь.

И тут же взялась за дело. Первой из её рук вышла брошь в виде цветка белого с розовой каёмкой на лепестках, с розовой же бусиной в центре. Красивая!

— Ты спать-то сегодня будешь? — сонно спросило Чудо, когда девушка пришивала перламутровую пуговицу к третьей по счёту броши.

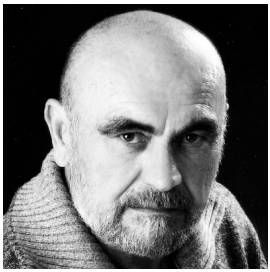
— Спать? Я и забыла совсем, — улыбнулась девушка.

Утром Маринка долго крутилась перед зеркалом. Отражение смотрело на неё сияющими от счастья глазами.

— То ли ещё будет! — пообещало Чудо, — хорошего дня тебе, девица.

Маринка, надев на бирюзовое пальто новую розовую брошь, вздёрнув носик, цокая каблучками, побежала в свою новую счастливую жизнь.

— До чего же просто, — думала она, нет-нет, дотрагиваясь до броши на лацкане, — в это не нужно верить, это нужно делать… Чудо какое!..



Леонид Гайкевич

* * *

Художников, поэтов, музыкантов
Касается незримая рука.
Без них земля, как небо без Атлантов,
Обрушится в пещерные века.

Без них любовь, как серенькая птица,
В убогой клетке ждущая зерна.
Без них луна ущербная томится
Печально у закрытого окна.

Без них темны рассветы и закаты,
Без них нет бурь, загадок и страстей.
Художники, поэты, музыканты
Спасают Человека от людей.

* * *

Мир избавили от зла,
Души воскресили
Золотые купола
Матушки-России.

Протянула руки Мать
К детям своевольным.
С рук нисходит благодать
Звоном колокольным.

Будит разум и сердца
Святостью безмерной.
Вера в Господа-Отца —
Смысл всей жизни бренной.

С верой вспыхнула любовь
Ко всему на свете.
Мы — твоя, Россия, боль —
За тебя в ответе.

Как без нас ты жить могла
Столько лет в забвении?
Золотые купола
Молят о прощении.

Я РОДИЛСЯ В РОССИИ

Я родился в России и этим горжусь,
И дышу русским духом и святостью.
Я Отчизне своей до земли поклонюсь
И отдам за неё жизнь я с радостью.

Краше нет на земле ни лесов, ни полей,
Ни берез с берестой белоснежною.
Я любуюсь причудливой формой ветвей,
Оглушён тишиной безмятежною.

Сквозь деревья крадется пурпурный рассвет,
Боже мой! Это явь или чудится?
Нагадала кукушка мне тысячу лет,
И я верю, что всё это сбудется.

Верю в рай на земле, верю в русский народ,
Что воспитан любовью и жалостью,
Мимо нищих, калек и сирот не пройдёт,
Отдавая последнее с радостью.

С каждым годом всё краше великая Русь,
С каждым днём наливается силою.
Я родился в России, тружусь и молюсь
На тебя, моя Родина милая!

ПЕТЕРГОФ

Сверкает позолотой Петергоф,
В фонтанных брызгах радуга струится.
Я от красы невиданной оглох,
Я онемел, как мраморная львица.

Витает по аллеям тень Петра,
Я чувствую душой её дыханье.
Воздвиг одним лишь росчерком пера
В глуши дремучей чудо Мирозданья.

За триста лет сумели мы сберечь
Волшебное творение народа.
Сменился строй, другая стала речь,
А здесь царит нетленная Природа.

Доносится чуть слышно менуэт,
Видения и образы рождая.
Возник передо мною вдруг поэт,
Который мир глаголом обжигает.

Его животворящие слова
Фонтаном устремляются в бессмертье.
Как кружится от счастья голова...
Спасибо, что ты есть на белом свете.

КАНУН ВЕСНЫ

Окрашенный художницей-зимой,
Сверкает холст слепящей белизною.
Прикрыв глаза, шепчу я: «Боже мой,
Как чуден край Югорский под луною!»

Хантыйка-ночь раскинула шатёр —
На чёрном шёлке зайцев звёздных ушки.
Луна горит, как в стойбище костёр,
Плывут по небу редкие зверушки.

В лесу мороз камлает, как шаман,
Трещит ветвями в бубен без умолку.
Затем полез во внутренний карман
И вытащил волшебную котомку.

Достав оттуда изморози горсть,
Подбросил вверх блестящие монетки.
Белым-бела рябиновая гроздь,
Оставшаяся с осени на ветке.

Всю ночь мороз трещал и завывал,
Пугал наш край, показывая силу.
Потом в изнеможении упал
Под ноги восходящему светилу.

Мы по весне соскучились давно,
На небе солнце сладко потянулось.
Югра проснулась, глянула в окно
И в первый раз за зиму улыбнулась.

* * *

Люблю я мысли мудрые в Завете,
Свою семью, таинственность светил.
Люблю я чёрный кофе на рассвете
И блеск ещё не высохших чернил.

Я не люблю предательство и хамство,
Я ненавижу зависть и льстецов.
Особенно людей, попавших в рабство
Страстей бесовских с ангельским лицом.

Да, я горжусь Югрою ненаглядной,
Богатствами её лесов и рек.
Боюсь вот только, будь оно неладно,
Что может с нею сделать человек.

Но веря в силу разума потомков,
Рассчитывая много лет прожить,
Несу свой крест, скользя по грани тонкой,
Любовь мечтая в душах возродить.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Ночь по городу струится
Поздней осенью.
Снег на улицы ложится
Белой простынью.

Плачет ветер-непоседа,
Словно горлица.
Тень озябшего рассвета
В окна просится.

Город сонно потянулся
К выключателю.
Кофе выпил и проснулся
Окончательно.

Вышел в призрачное утро,
Ахнул весело.
Ель пушистым перламутром
Лапы свесила.

Всё забыл на свете город
На мгновение.
Первый снег летит за ворот
Откровением.

МЕДВЕЖОНОК

Клин журавлиный в чистом небе,
Прозрачная вода озёр...
Я никогда ещё так не был
Влюблён в чарующий простор.

На горизонте лёгкой дымкой
По небу облака плывут.
В волшебный лес зовёт тропинка,
Где кедры вечные растут.

Там, на траве, роса искрится,
Как россыпь звёзд ночной порой.
Там белка на ветвях резвится
И манит в чащу за собой.

Вдруг хрустнула негромко ветка,
Я обернулся и застыл —
То медвежонок-малолетка
Зашёл тихонечко мне в тыл.

Дрожа от страха, мы смотрели
Друг другу пристально в глаза.
Над нами звонко птицы пели.
Я улыбнулся и сказал:

«Я в гости к вам пришёл, и только,
Дай лапу я тебе пожму».
И после этих слов тихонько
Я протянул ладонь ему.

Медведь попятился немножко,
И тихо что-то проворчав,
Вдруг, развернувшись на дорожке,
Ушёл, ни слова не сказав.

* * *

«Я мыслю — значит существую», —
Декарт однажды произнёс.
Но философию такую
Я не могу принять всерьёз.

Существовать, как особь, можно,
Будь ты хоть в стаде, хоть изгой.
Пасись на поле осторожно,
Чтобы не съел тебя другой.

Причём, не нужно даже мыслить,
Инстинкт спасёт от многих бед,
Продолжит род твой в этой жизни,
А жизнь сведёт его на нет.

Всё потому, что в мире этом
Царит естественный отбор.
Существовать и быть поэтом?
Ну, это право, перебор.

Великих гениев от Бога
Рождает редко каждый век.
Декарт ошибся лишь немного...
Я мыслю — значит — Человек!

* * *

В гармонии с природой нужно жить —
Мы тоже ведь частица Мирозданья.
Умом, душой и сердцем мир любить
И радоваться каждому созданью:

Травинке, что трепещет на ветру,
Снежинке, что на лицах наших тает,
Росинке, что на листьях поутру
Нам бисером жемчужным взгляд ласкает.

Любите пенье птиц, журчанье рек,
Людей, зверей, погоду, непогоду.
Себя любите — Вы ведь Человек,
Вы родились в гармонии с Природой.

Не обрывайте трепетную нить,
Не поддавайтесь злой и тёмной власти.
Любите всё, любите просто жить.
Любовь всегда приносит людям счастье.

Алексей Горский

* * *

Истерзанная старая берёза
Качается в вечерней синеве,
Дождя роняет капли, словно слёзы,
Которые блистают на траве.

Кому сей светлый образ опротивел,
Кто символ нашей Родины губил,
Кто в том зловеще-низменном порыве
Себе успокоенье находил?!

Вот так и Русь чудовищно терзают:
Терракты, преступленья, произвол.
Страну они всё больше превращают
В берёзы изуродованный ствол.

* * *

О чём мне петь в своих стихотвореньях?
Вопрос решён, ответ — непререкаем:
О бедах, о проблемах, о лишеньях,
О счастье ведь и так всегда мечтаем.

* * *

Ты съёжился в парке на лавке,
Не в силах куда-то идти.
Начало положено «травкой»,
Что друг втихаря угостил.

И так, вроде, радостно было,
Так весело, как никогда.
Но личность в тебе погубила
Глобальнее многих беда.

От «травки», раскуренной с другом,
Рука потянулась к шприцу…
Отделаться лёгким испугом
Уже не придётся юнцу.

Коварные силы дурмана
Воздействуют так, что уже —
На венах глубокие раны,
Такие же раны в душе.

Квартира твоя опустела,
Ты вынес, что можно продать.

Спроси, отчего поседела,
Так скоро не старая мать.

Да что там писать, если часто
Судьба наркомана одна:
Притон, милицейский участок,
А после нередко — тюрьма.

Другая тропа наркомана:
В плену героиновых грёз —
Ничтожная смерть от дурмана,
А вывод один — «передоз»…

И кто его знает, что хуже —
Сгореть, как осенний листок,
Иль тлеть, словно брошенный в лужу
Зловещего зелья бычок.

Ты съёжился в парке на лавке
Да так и остался лежать.
Начало положено «травкой»,
И смерть не заставила ждать.

* * *

Каков мой город? Он бывает разный —
Отвечу с неподдельной прямотой —
Местами неприветливый и грязный,
А где-то — восхищает красотой.

Здесь блеск неимоверных состояний
Соседствует с кричащей нищетой.
А блоки уходящих в небо зданий
Общаются с избушкою кривой.

Геологом, нефтяником взращённый,
Не только этим город мой богат.
Культурных достижений не сочтём мы,
Но в этом рай, а значит есть и ад.

Здесь хамство с аморальностью резвятся,
И пьянство процветает налегке.
А дети через слово матерятся,
Гуляя с сигаретою в руке.

И в череде забот разнообразных
Необходимо главное понять:
Приветливый наш город или грязный,
На это каждый может повлиять.

* * *

Едва ль я в состоянии понять
Тех женщин, что спешат домой с букетом,
В неимоверной радости при этом,
Как станут там цветы благоухать.

Их облачат в наряд из хрусталя,
Лелея взорами, касаясь лишь носами,
Но те же руки выкинут их сами:
Цветы завяли — пухом им земля.

И так, порой, нелепо созерцать,
Как человек любуется букетом.
Цветы же — не любуются эстетом,
А продолжают в вазе умирать.

* * *

Иду домой, на жизнь свою пеняю:
За двадцать уж, а девушки всё нет.
Женился друг, и всё на вид мне ставит,
Что холост, как учебный пистолет.

Вдруг девушка-красавица шагает,
В глаза мне смотрит — что-то тут не так.
Я ноги в руки — быстро убегаю
И озираюсь — вроде нет «хвоста».

Иду домой, манёвром восхищаясь,
Для них теперь я явно не простак.
И вновь ропщу — да что за жизнь такая!
Ни девушки, ни свадьбы, ни торта́.

ГНУС-НЫЙ УБИЙЦА

Я уличил жену в измене:
Лежу, не сплю — переживаю,
Теперь на нашей жизни сцене
Развода драма назревает.

И был вкус к жизни мной потерян,
Жена попалась вот плохая.
Но этот факт не столько скверен,
Как то, что комарьё летает.

Лишь только самки кровь сосут, —
О комарах припоминаю.
Пришлёпнул там, прихлопнул тут,
И как-то на душе легчает.

* * *

Я себя не узнаю:
На кого я стал похож?
Словно молодость мою
Испугал большущий нож.

Снова в зеркало смотрюсь:
Кто, скажите, там сидит?
Я чуть-чуть его боюсь,
У него нелепый вид.

Стал раздумывать тогда,
Как мне внешность изменить.
Неужели навсегда
Прекратить придётся пить?

Друг пришел, купил вино,
Суть проблемы услыхал.
И сказал, что я давно
Зе́ркало не протирал.

Он помог мне осознать,
Иногда верны слова:
Смей на зеркало пенять,
Коли рожа не крива.

ПОЭТ И СОЛДАТ

Забавы ради, либо не для смеха,
Служивый подошёл ко мне, спросив:
«Стихи писать — не сложная потеха,
А сможешь сдать солдатский норматив?»

Я не сторонник этой авантюры,
Но, в общем, был сегодня налегке,
И по рукам ему ударил хмуро:
«Пошли, сдадим в спортивном городке».

За тем солдатом спешно повторяя,
Я надрывался, яростно потел.
Мне вспомнилась зарядка боевая,
Но норматив я тот преодолел.

«Ну, вот, боец, я сдал твои зачёты,
Попробуй же и мой вопрос решить:
Стихи слагать — не хитрая работа,
Тебе ли их тогда не сочинить?»

С опаской тот за лист бумаги взялся
И битый час «нетленку» он ваял:
То Зайчик у него гулять собрался,
То Чижик на Фонтанке выпивал.

И сдался он, солдату не до смеха,
Я дал ему отчётливо понять:
Бессильны даже мускулы морпеха,
Где нужно дар к искусству проявлять.

ТЕТРАДЬ КАПИТАНА

Тетрадку жёлтую в чулане
Избушки старой я нашёл.
В ней речь была о капитане:
Немало он морей прошёл,

Не раз с акулами сражался,
Не раз в шторма он попадал,
Но героически держался
И никогда не унывал.

Читал тетрадь, не отрываясь,
Как приключенческий роман.
И капитаном восхищаясь,
Мечтал о рейде по морям.

Но вдруг узнал я из тетради,
Что ей почти что сотня лет.
И понял я, на дату глядя:
Его давно уж с нами нет.

Тот вечер показался странным:
Гром грохотал, и ливень лил.
А ежедневник капитана
Мой в жизни путь определил.

Егор Елистратов

БЕЗМЯТЕЖНОСТЬ

Ясный день, солнце радостно светит,
Шмель жужжит, опыляя цветок.
Легкий, летний, заботливый ветер
Винограда качнул завиток.

Нежной корочкой мясо румяня,
Разошёлся мангал не на шутку.
И от запахов трав словно пьяный,
Наслаждаешься каждой минуткой.

Рядом лица, знакомые с детства,
И спокойной беседы течение.
В ритме вальса работает сердце,
Всё на свете имеет значение!

ПУТЬ

Я жизни смысл опять искал не там.
Наверно, я ошибся поворотом.
Казалось, дверь к бесчисленным дарам
Откроют размышленья и работа.

И достижений полнятся ряды,
Но главное всё время ускользает,
А путь к осуществлению мечты
Похоже, только сердце понимает.

ПРОЗРЕНИЕ

Ты стоишь на пороге открытий,
Сердцу есть, что тебе рассказать.
За спиной расправляются крылья,
И душа научилась летать.

Вмиг со звоном упали оковы,
Глубоко и свободно вдохнул,
Этот мир удивительно новый,
Если сердце ему распахнул!

ОРБИТА

Два мира, проплывая в пустоте,
Вдруг оказались на одной орбите,
И завертелась череда событий,
Что повела их к общности, мечте.

Внутри планет огонь и красота,
Сверкает жизнь в своем великолепьи.
И не подвластны равнодушной смерти
Достоинство, любовь и чистота!

Но разошлись причудливо дороги,
Миры продолжили свой одинокий путь.
Им бы совсем немножечко свернуть,
Но по-другому порешили боги.

Так счастья, может быть, себя лишив,
Уходят люди, не узнав друг друга.
Два чужака продолжат бег по кругу,
Коснувшись невзначай другой души.

ПОСВЯЩЕНИЕ ПОЭТУ

Петру Суханову

Поэзия — сплошная тайна,
Единый миг воспет в веках,
Творит художник не случайно,
Разит без промаха в стихах.

Строка, как плеть, неутомима, —
Унылый день давно забыт —
Хранит спасение для мира,
Азарта свежего родник,
Надрыв и сила в каждом звуке,
Отвергнет правил череду.
Восторг! К идеям припаду...

ВРЕМЯ

Пред тобой упали на колени,
Ждут пощады, ты неумолимо.
«Путь окончен», — высшее веленье,
Рвёт приказом сердце нестерпимо.

Чёрная дыра, открытый космос...
Жизни пожирает без причины.
Нами ты, убийца тихий, создан,
Ключ от счастья мы тебе вручили.

Подшиваешь детство, зрелость, старость.
Дело личное в углу желтеет.
Забираешь жадно, что осталось,
С каждым днём бежишь еще быстрее.

Но скажу слегка с пренебрежением:
«Ты — ума абстрактное понятие.
И неважно, сколько нам отмерили,
Важно, чтоб тебя с любовью тратили!»

СОТНИ ЖИЗНЕЙ

Я прожил сотни жизней, бумагой шурша,
Говорил с мудрецами былыми,
Сквозь века и народы летела душа
Над словами познанья святыми.

«Будь разумен», — внушал осторожный Дедал
Своему непослушному сыну,
Да смеялся Икар и всё выше взлетал...
Но упал, опаленный, в пучину.

Философия хлынула бурной рекой,
Мудрость миру открыла античность.
Мысль с материей спор затевали большой,
Меж собой выясняя первичность.

Помню, ветер в ушах, и пронзительный вой
Разлетался над полем кровавым,
Так скакал Чингисхан, управляя ордой,
К берегам своей воинской славы.

И невинный Христос был жестоко распят,
Усмехнулся, прищурившись, Будда,
Не легко мир с добром на земле прославлять,
Тьма неверия бродит повсюду.

Средь веков воспылали слепые костры,
Пожирая без счёта неверных,
Крестоносцы рубились, мечи их остры,
Ради власти церковной, безмерной.

И сменялись герои один за другим:
То Спартак, то алхимик искусный,
Жан Вальжан, ревизор, Мартин Иден и Вий,
Мушкетёры с их жизнью не скучной...

Замолкает строка, утомилась давно,
Летописцам хвалу воздавая.
Сотни жизней прожить может каждый легко,
Если вдумчиво книги читает.

СЕНСЕЙ

В мир музыки попасть — задача не из лёгких.
Я пробовал не раз подкопом и прыжком.
Потратил много сил, но не пришла сноровка,
У двери я стоял, мелодией влеком.

Но вот пришел сенсей, он ноты воспевает,
Ему подвластен гриф, и рук полет красив.
Он мне скрипичный ключ от двери той вручает,
За все мои труды уменьем наградив!

ОСТАНОВИСЬ НА МИГ

Как часто мы не видим красоту,
Глаза души проблем закрыли шоры.
Живём и любим быстро, на бегу,
И наступаем на ноги партнёрам.
Как часто мы не видим красоту!

Остановись на миг и оглянись:
Перед тобою мир рассыпал краски.
Взгляд звёздами одарит неба высь,
И ветер в поле вдруг затеет пляски.
Остановись на миг и оглянись.

Прислушайся, и мир тебе споёт
Птиц щебетанием, шорохом травы.
И жизнь сегодня новый день начнёт
С сердечно-скромной, радостной главы.
Прислушайся и мир тебе споёт...

Людмила Елистратова

ИЮНЬ

От зелени Сургут стал юн и нежен,
А улицы знакомые — новы,
Жёлт одуванчик — северный подснежник,
Как отблеск солнца на волнах травы.

Среди листвы щебечут звонко птицы,
Цветы шлют тонкий аромат шмелю,
Одежды ярче, радостнее лица…
Сургут и лето — вот что я люблю!

Деревья под вуалью изумрудной
Серёжки распушили… Хороши!
И всё, что в холода казалось трудным,
Не сложно для оттаявшей души.

ПОД НЕБОМ СЕВЕРНЫМ

Под серым небом северным
Течёт мой век размеренно,
Какой-то высшей мерой мне
На юг заказан путь.
Лишь изредка в дни ясные
Любуюсь солнцем страстно я,
Кормлю свой разум баснями:
Уеду как-нибудь.

Увы, мечты беспочвенны,
Пустила корни мощные
И закрепилась прочно я
В болотистом краю.
Дни с радостными блёстками
Коплю скупыми горстками,
Иду тропой Югорскою,
О Севере пою.

Сестрой мне стала кровною
Сибирь моя суровая,
Достоинства всё новые
Я открываю в ней,
Осознаю, как до́роги
Полян брусничных всполохи,
Ритм делового города
И блеск ночных огней.

Дни льются скоротечные.
Наряды подвенечные
На город наш изменчивый

Накинет вновь зима.
Мороз зашкалит градусник,
Но будем жить мы, радуясь:
Снежинки мирно падают,
И так тепло в домах.

СЕНТЯБРЬ

Моя желанная пора —
Печаль, прохлада сентября…
Под пальцами берёз кора
Шуршит, как лист календаря.

Спадают листья, словно дни,
Увядшей красоты полны.
Не рви цветов, травы не мни:
Часы их жизни сочтены.

Спастись от времени — слаба
Попытка. Знаю, шансов нет…
Мне годом-бусинкой судьба
Пополнит ожерелье лет.

БУНТАРЬ

Море лапой огромной
Наступило на пляж,
Рокот волн многотонных
Растревожил пейзаж.

Словно хищника злого
Защемили в тисках,
Бьётся море в оковах
Скал и тонет в песках.

Точит когти о камни,
Тащит всё в глубину,
Ветер, взвыв по-шакальи,
Подстрекает волну.

Волны, вздыбясь свирепо,
Оборвут леера*
И извергнут на берег
Яд морского нутра…

Но лишь глянет сквозь тучи,
Ласку щедро даря,
Солнца лик всемогущий,
Стихнет гнев бунтаря.

* Леер — туго натянутая верёвка или стальной трос, закреплённый с обеих сторон; применяется для крепления косых парусов, как приспособление, предохраняющее от падения людей за борт, и т.д.

КОРЯГА

В Воронеже, в лесах, знакомых с детства,
Брожу я, прилетев издалека,
Любуюсь — и не в силах наглядеться,
Так жадно путник пьёт у родника.

Взгляд по стволам скользит до самой выси,
Восторгами душа опьянена:
Сквозь кружево зелёных сочных листьев
Бездонно льётся вниз голубизна.

Тропинка увлекает вдоль оврага,
Дурманят ароматы леса всласть…
Вдруг у тропы унылая коряга,
Чьи корни полусгнившие — как пасть.

Средь зелени, жужжанья, щебетанья,
Она — как шрам ужасный на лице,
Как грозное небес напоминанье
О неизбежном для живых конце.

Поверь, она была красавцем-клёном,
И в пышной кроне пели соловьи,
А у подножия для пар влюбленных
Лес трáвы шелковистые стелил.

Незримо годы старились в столетья…
Ветра, дожди, морозы обожгли,
Безжизненно повисли ветви плетью —
И мощный ствол был вырван из земли.

Теперь «ползёт» унылая коряга,
Змеиную свою оскалив пасть.
Я замерла на краешке оврага,
Боясь вот так от времени упасть…

Но в вышине раздался щебет звонкий,
Коснулся лба «луч солнца золотой»,
И вновь брожу с беспечностью ребёнка,
Лесною наслаждаясь красотой!

ТЮЛЬПАНЫ

Тюльпана тёплый лепесток
Упал в ладони.
Алел стремительно восток
На небосклоне.

«Прощай…» — прошелестело за
Полутонами,
Печаль в потерянных глазах:
Что будет с нами?

Недолговечен резкий взлёт
Страстей весенних,
Любовь поманит и швырнёт
В волну сомнений.

Так безнадёжно теребя
Овал букета,
Я уплывала от тебя
В объятья лета…

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

Мой отец принял боевое крещение в ноябре 1942 г. Ему было 18 лет...

Перебираю ордена,
Медали, памятные с детства,
И снова грозная война
Врывается осколком в сердце.

Отец оставил слепок дня
Его крещенья боевого:
Артиллерийский шквал огня,
Седой ноябрь сорок второго.

Бояться некогда, солдат,
Война — тяжёлая работа.
Не мешкая, тащи снаряд
Для миномётного расчёта.

Впрягались из последних сил,
Без ропота, без передышки
Вблизи смертельной полосы
В боях взрослевшие мальчишки.

Такой уж выпал им удел:
Познать потери и награды,
Обнять измученных людей
Несломленного Ленинграда.

Мой папа прожил жизнь сполна,
Родной стране всем сердцем предан.
Он завещал нам ордена
И незабвенный День Победы!

ПОЗДНЯЯ ВСТРЕЧА

На перекрёстке наших сложных судеб
Стояла беспощадная беда.
И это означало, что не будет
Путь общим и счастливым. Никогда…
И всё-таки душе от встречи поздней
Легко и удивительно светло,
Как будто небо после тучи грозной
Вдруг радугой на радость расцвело!

ПРИТЧА

Красивая притча мне стала известна:
Душа, что должна свод покинуть небесный,
Предстала пред Богом, решила признаться,
Боится она в мир земной отправляться.

«Мне страшно, отец, после райской купели
Рождаться в беспомощном крохотном теле.
Суровые нравы, порочные люди
Безвинную душу бесцельно погубят».

«Не бойся, душа, не стони неустанно,
Ты вечность получишь, пройдя испытанья.
Пока не окрепнешь, любви прочной нитью
Привязан к тебе будет ангел-хранитель.

Он призван заботиться денно и нощно,
От бед ограждая защитою мощной.
Поможет, научит и в ласке взлелеет.
Ты вырастешь, ангел — увы! — постареет».

Душа встрепенулась: «Я, отче, готова.
Скажи, как узнать моего часового?»
«Что ж, как попадешь из небесного храма
На грешную землю, кричи ему: Мама!»

НЕПРИМЕТНЫЕ ДНИ

Оглянись! Этот день безвозвратно уходит,
Неприметный совсем средь собратьев своих,
Не отметился ярким явленьем природы,
Не сверкнул бриллиантом, связавшим двоих.

Ни минутой, ни часом души не задело,
Проведёшь без эмоций, забудешь навек…
Но однажды пронзит: до чего ж неумело
Дни потратил свои, глупый ты человек!

Жизнь — божественный дар — принимаем с рожденья,
Не вникая, что всем будет выставлен счёт.
Неприметные дни тонут в море забвенья,
Лишь крупицы из них наша память спасёт.

Елена Инчоль

ПОЛУЖИЗНЬ

Не превращайте отношенья
В больной и липкий полусон:
Полуленивые движенья,
Полуобъятья, полустон…

Минимализм в словах и жестах,
Унылых дней пунктирный ритм,
Психологические тесты,
Как трудных судеб алгоритм.

Мерцает монитор бездушно,
Фантазии найдут приют
В тяжёлых снах, из тех, что душат,
Или проснуться не дают.

ИНТУИЦИЯ

«Собаки — волшебники Вселенной.
В мире архетипов собачья природа…
олицетворяет инстинктивную душу…
добирается до уровней, недоступных эго…
слышит слова и советы, недоступные слуху эго.
И поступает в соответствии с ними»

Кларисса Пинкола Эстес «Бегущая с волками»

Мне в последнее время всё чаще
Снятся странные вещие сны:
Как за мною несутся из чащи
Интуиции гончие псы.

Я бегу… Сердце бьётся так сильно,
На пределе! А вслед — дикий вой!
Жалит ужас невыносимо…
Я теряю последние силы
И молюсь, чтоб остаться живой!

Пусть обид заскорузлые кости
С вожделеньем и хрустом грызут.
Я им цепи накину без злости,
Приручу их — пусть рядом бегут!

И сплетаются цепи из стали
С золотыми прожилками дня.
Всё отчётливей я понимаю,
Что сама от себя убегаю,
Но… нельзя убежать от себя…

ИЗМЕНА

У неё губы алые…
У меня дети малые…
Наши силы неравные…
Я всё знаю теперь!
Ревность — штука опасная.
Как в погоду ненастную,
В наше прошлое страстное
Закрываю я дверь.

Объяснения длинные
На вопросы невинные,
Мои слёзы бессильные
Просто душат порой…
И упрёки взаимные,
И звонки анонимные,
И шипенье змеиное
У меня за спиной…

Эх, да знать бы заранее –
Отменить все свидания,
Не поверить в признания…
Но я зла не таю…
И прощает за раннее
Моё сердце израненное
И цветы запоздалые,
И измену твою…

ДОЖДЬ

Метель огней летит ко мне навстречу.
Дождь осыпается осколками с небес.
И, словно одинокий сумасшедший,
Лепечет что-то полный жизни лес.

И падают крупицы лунной стали
На ворох прелых листьев и коры.
И как же больно кожу рассекает
Лавина лезвий ледяной воды…

Сплошной туман с размытыми краями
В блаженную пассивность унесёт.
И вспарывая облака клыками
Через мгновенье молния сверкнёт!

НАСТРОЕНИЕ

Вам бывало когда-нибудь грустно?
Среди яркого ясного дня
Блюз печальный исполнит искусно
Мелкий бисер «слепого» дождя…
Ветерок, чтоб поднять настроение,
Вдруг прошепчет: «Всё было не зря…»
Вам бывало когда-нибудь грустно?
Ну, тогда вы поймёте меня…

Вам бывало когда-нибудь скучно
Среди гулкой людской суеты,
Когда кто-то чужой равнодушно
Перейдёт в разговоре на «ты»?..
Когда шутки становятся пресными,
И слова монотонно звенят…
Вам бывало вот так же невесело?
Ну, тогда вы поймёте меня…

Вам бывало когда-нибудь горько,
Что обидели близких людей?
А моральных потерь было столько —
Всех уже не припомнить теперь…
И просить о прощении поздно,
И ошибки исправить нельзя…
Вам бывает когда-нибудь больно?
Ну, тогда вы поймёте…

МАРТОВСКИЙ КОТ

Бушевал сегодня кот спозаранку:
Опрокинул молоко на лежанку,
На шнуре от утюга покачался
И галопом по квартире промчался!
Дверь входную поцарапать пытался,
Как заправский акробат, кувыркался,
Сбил цветочный горшок прямо на пол,
А потом тихо сел и … заплакал…

«Что ж ты плачешь, мой друг закадычный?!
Все секреты свои промурлычь мне.
Объясни — что не так, что случилось,
Может, страшное что-то приснилось?
Может, косточка в рыбке попалась,
Иль невкусной еда показалась?
Почему ты играть отказался?
Кто обидел тебя?» … Не признался!

Только глянул изумрудными глазами:
«Что со мною — вы знаете сами!
Я увидел знакомую кошку,
Когда утром сидел у окошка.
Мне с ней встретиться хочется очень,
И весна на дворе, между прочим…
Я немножко совсем погуляю,
И … обратно вернусь — обещаю!»

ЛЕСНАЯ СКАЗКА

*Л*исичка хвастал*а*сь обновками в л*е*су:
Роскошной шубкой, чёрными сапожками,
Жил*е*ткой замшевой на кроличьем меху,
И д*л*инными янтарными серёжками.

Аншл*а*г в театре зимнем «На х*о*лме»:
Волк — знаменитый бард — концерт д*а*ёт!
Во фраке серебристом при л*у*не
Он песни задушевные поёт.

Всем интересно — что за кутюрье
Костюм спортивный д*л*я Медведя сшил?
В л*е*сной Спартакиаде по борьбе
Он место призовое получил!

Надев от близол*а*пости очки,
В уютной норке среди старых пней
Дизайнер Ёжик в скромном сюртучке
Шьёт модную одежду д*л*я зверей!

ПТЕНЕЦ

Мой кот в подарок для меня
Без умысла плохого
Принёс с прогулки воробья…
Птенца полуживого
Я осторожно отнесу
В картонную коробку.
«Не бойся, я тебя спасу!»
И он чирикнул робко.

А где же мама у птенца,
Семья его большая?
Ведь у кота, наверняка,
Его б отбила стая.
Как уберечь детей своих?
Смотрите, мамы, папы,
Чтоб зверю на ногах двоих
Им не попасться в лапы.

Дана Инчоль

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Господи, руководи моею волею
и научи меня молиться, верить, надеяться,
терпеть, прощать и любить. Аминь.

Молитва последних Оптинских старцев

Наступает день рожденья,
Говорят, грустить не надо,
Но взгрустнётся, к сожаленью,
Ведь года уходят, правда?

А друзья опять напомнят:
«Молодеешь с каждым годом».
И в душе моей невольно
Вдруг поселится тревога.

Оттого, что не ценила,
Не прощала, не терпела,
Оттого, что много сделать
До сих пор я не успела.

И допив вино в бокале,
Я решение приму:
Все ошибки своей жизни
Я исправлю… Я смогу!

Вот и снова день рожденья,
Говорят: «Грустить не надо»,
Но взгрустнётся к сожаленью,
Ведь года уходят, правда?..

Нина Календарева

ТРАВА-ЛЕБЕДА

В конце лета заалела трава-лебеда.
Головушка заболела. Ох, немолода!
Распушилась седина серебристая.
Молоденькая была! Ох, речистая!

Травушка-лебёдушка нравом молчаливая.
Не расскажет никому, я ли не счастливая.
Как годочки разлетались, будто взмах рукой.
На свиданье суженый не ходил к другой.

Обходила стороной коварная беда.
Нам ли сетовать с тобой, трава-лебеда?
У лебёдушки-лебеды белокрылый наряд.
В жемчугах мои серёжки. Ох, ярко горят!

НАД СУРГУТОМ СОЛНЦЕ

Над Сургутом солнце
Допоздна трудилось.
Облако кудрявое
В небе веселилось.

Наливалась соком
Ягода в награду.
Уходило солнце
Не спеша в прохладу.

В белоснежном платье
Облако умчалось.
На закате с ветром
По любви венчалось.

Вместе любовались
Красотою леса.
Солнце скрыла алая
В золоте завеса.

Город осветился,
Фонари развесил.
Лишь ревнивый дождик
Был один невесел.

КРАСНЫЕ ОСИНЫ

...Осень. Небеса. Красные леса.
Андрей Вознесенский

(Рублёвское шоссе)

Ярко полыхают кисти у рябины.
Разгорелись рядом листья у осины.

Северные дали, облачные сини!
Вы о чём грустите, красные осины?

Над рекою встали кедров силуэты.
Вы о чём в раздумье, белые рассветы?

В отблеске рубина скрытая тревога.
Вот и птицам скоро предстоит дорога —

Расправляют крылья в голубые своды.
Разгоняет ветер хмурые разводы.

Убегает лето. О звенящей сини
С грустью вспоминают красные осины.

ВМЕСТЕ С ПАПОЙ

Будет снежный град Сургут —
На площадку снег везут.

Белизна искрит вокруг,
Папа мой — мне лучший друг.

Мы с ним рано в воскресенье
Стали строить укрепленье.

Мы — два славных казака —
Строим будто на века

Башни, чудо-теремки
Возле берега реки.

Укрепляем снег руками
И лопаткой, и совками.

Стой, дворец наш, до весны
В искрах снежной белизны!

С УТРА ПОРАНЬШЕ

*Л*юблю широкий тротуар.
Он заменяет нам бульвар.
Здесь дети весело бегут.
Ты образцовым стал, Сургут!

С утра — расчистка всех дорог,
Здоровья жителей залог.
И самосвалы — честь труду! —
Увозят «белую руду».

СНЕЖНЫЕ ВОПРОСИКИ

Вы не ходите зимой
По лесной тропинке?
Разговор между собой
Там ведут снежинки.

Вы не ходите зимой
«Собирать грибочки»?
Так под шапкой снеговой
Прячутся пенёчки.

Вы не знаете, что лес
Любит наряжаться?
Тронешь веточку рукой
И начнёшь смеяться.

ЗИМНЕЕ ВОЛШЕБСТВО

Ночь... Крепко спали жители.
Проснулись и увидели:
«Вот это — да!
Морозец надышал
На провода!»

Лишь в городе у нас
Такой волшебный иней!
Он в сумерках среди огней
И розовый, и синий.

НАС ПОКИДАЕТ СНЕГ ВЕСНОЮ

Весною снег, как существо живое,
Понять не может, что же с ним такое?
Красив он был зимой, пушист и бел,
Теперь болезненно-худой весь почернел.
Он съёжился от странного недуга,
А успокоила позёмка-вьюга:

«Весна несёт тебе преображение.
Снег! Будешь ты водой. Вода — движенье.
Сначала ручейком ты напоишь леса,
В жару, как пар, взойдёшь на небеса.
Захолодеешь — вновь преображенье.
Прощай, снежок! До встреч!
До... возвращения!»

СЫНОЧЕК-ГОЛУБОЧЕК

На оживлённых участках городских улиц часто возникает стихийная мелкая торговля. Местные жители, в основном пенсионеры, продают то, что выращивают на дачных участках или собирают в лесах. В нашем северном краю это — черника, брусника, клюква, грибы. Круглый год стаканчиками продаются кедровые орешки, а с ними и шишки. Скучающие торговки отходят от своего товара посудачить между собой. Этим пользуются докучливые городские птицы: воробьи, голуби и вороны.

Сто́ит торговке подкормить горсточкой семечек рядом воробья, как к нему слетает стая сородичей. Птички перехватывают друг у друга снадобье, торопятся поживиться большим количеством и как можно скорее. Это забавляет торговок, вызывает улыбки у прохожих и вносит ощущение мимолётной радости в однообразную жизнь горожан.

Давно замечено, что те птицы, которые проворнее, отнимают лакомый кусочек у соседа. Птицы устрашают друг друга и ссорятся всерьёз, пока не полетят перышки. Мне выпали минуты наблюдать такую сцену.

Крупная голубка не спеша прохаживалась недалеко от коробок, на которые женщина-торговка пристроила три прозрачных пластиковых мешочка с кедровыми орешками. Надо сказать, что голуби — привлекательные птицы. Их очень украшают перламутровые сине-зелёные перышки шейки. А у этой важной особы ещё и крылья были белыми пятнышками, как бисером, посыпаны.

Как только хозяйка отошла, голубка присела на верхний мешочек и сразу, не теряя времени, клювом надорвала плёнку, делая доступ к орешкам. Выпал оттуда один орешек. Ей бы самой поклевать — так нет, ждёт чего-то.

Возьми и прилети к ней другой голубь. Повернулась к нему «добытчица» и закрыла собой дырочку в мешочке.

«Не для тебя трудилась», — говорил её вид.

Пытался голубь удержаться на стенке коробки лапками, но понял, что клевать орешки голубка не даст.

Так и улетел, как был, с поднятыми крыльями подальше от своей подружки.

Недалёко сидел молодой неопытный голубок. Я внимательнее присмотрелась и поняла, что это сынок крупной голубки. У них в окрасе перьев присутствовал один и тот же чистый белый цвет. Мамаша хотела, чтобы не старый голубь, а её сын был сыт.

Голубок понял и подлетел к ней. Заботливая голубка переместилась от отверстия в мешочке подальше на коробку. Она наглядно показала сынку, как можно добывать себе еду. Со своей стороны «голубка-мать» сделала главное: подготовила место, где клевать и что клевать.

Голубок успел один орешек взять в клюв, но хозяйка орехов поспешила к своему товару. Она размахивала руками со словами «кыш-кыш» и прогнала всех птиц подальше.

Александр Козловский

* * *

Опять о чем-то горюет небо. Усталые деревья, что стоят вдоль аллеи старого парка, стремятся сбросить с себя бремя листвы.

Морозно.

Медленно бреду под всасывающими взглядами хищно выгнувших шеи одноглазых фонарей.

Маленький жёлтый листочек мотыльком сорвался с ветки и полетел прямо на свет, совершенно не боясь опалить себе крылья… И вот итог — он медленно опускается на землю к сотням, тысячам своих собратьев, чтобы навек затеряться в толпе. А через…

Никто и не сможет с уверенностью сказать, был ли он когда-нибудь.

А всё-таки так тянет в небо!

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ В СУРГУТЕ 2000 Г

Первое,
по-весеннему тёплое
воскресенье.
Кто-то незримый
вслед за весною в город вступает.
Спешат все мимо…
И лишь воробьи неустанно
кричат:
— Осанна ему!
— Осанна!

Воскресенье
первое
весеннее.
Отличное у всех настроение.
А в домике из оконца
тянет малыш ручонки к солнцу.
И, видимо, неслучайно
кричат воробьи отчаянно.
Кричат воробьи неустанно:
— Осанна ему!
— Осанна!

А к малышу,
поболтать наверное,
заглянула вдруг верба.
И тянет он ручки к веткам,
что в дом к нему тянут пальцы:
к себе подзовут, подхватят

и к самому солнцу поднимут.
И кричат воробьи неустанно:
— Осанна ему!
— Осанна!

В воздухе пахнет вербою.
Воскресенье —
первое
весеннее.

* * *

В самом конце бесконечности
наверняка есть нечто,
похожее на начало
чего-то нового,
неповторимого,
уходящего неизвестно куда,
неведомо откуда возвращающегося.
А может быть его и не существует.
А есть только мечта.
Мечта о несбывшемся —
о том, чего никогда не было,
нет,
а, возможно, не должно быть и никогда не будет,
ведь реальность воплощения мечты —
не просто уравнение со множеством неизвестных,
но божественный промысел.
Бог, создавая человека,
мечтал о понимании…

Человек, создавая бога, мечтает *ли*…
Но ведь без мечты вряд *ли* можно что-то создать,
без мечты нет ничего.
Пустота.
Бог не может быть равным пустоте,
ибо он вечен, неизменен и абсолютен.
А пустота не может быть постоянной,
абсолютной,
вечной.
Бог изменяет пустоту.
И тогда она *либо* поглощает всё кругом,
либо сжимается до бесконечно малых размеров.
И всё вокруг наполняется *Любовью*.
Бог есть *любовь*.
Но вся *ли* *любовь* от Бога?
Любви бывают свойственны
безрассудство,
безумие,
страсти.
Страсти разгораются, сжигают всё вокруг,
и бесконечность сжимается
до размеров Пустоты —
Пустоты непонимания —
той, что находится
в каждом из нас.

Любовь Коробкина

ФИЛОСОФИЯ ЖИЗНИ

Как дышится легко в дождь.
Как ранит глубоко ложь.
И больно, коль в ответ — нет.
А радость дарит нам свет.

Рождение всегда — крик!
Но жизнь так коротка — миг!
А старость — на висках снег,
Ход времени, увы, — бег.

Не хочется познать месть,
Предательство друзей, лесть,
А знать одной любви власть,
Взаимности её сласть.

Не знаем, сколько жить. Нет.
Оставить бы такой след —
Немало пусть пройдёт лет,
А на земле — его свет.

ГОВОРИТЕ О ЛЮБВИ ПОЭТАМ

Говорите о любви поэтам,
Восхищайтесь ими, пока живы.
Им приятно будет знать об этом.
И неважно, что одни стыдливо,
А другие гордо, иль не веря,
Будут слушать все слова признанья.
Вы откройте душу им, как двери.

И, пожалуйста, без опозданья.

КОГДА ПРИХОДИТ МУЗА

Когда к тебе приходит Муза,
И если с творчеством ты дружен —
То лучше не найти союза,
В тот миг никто тебе не нужен:
Ты весь во власти вдохновенья
Легко и с упоеньем пишешь
Картину иль стихотворенье,
Иль звуки музыки ты слышишь.
Какое это наслажденье,
Когда творишь с нею в союзе!
За миг удачи, озаренья
Признателен, конечно, Музе.
Воображенье пишет даму.
И, значит, Муза, скажем прямо,
Как всякая, простите, дама —
Она капризна и упряма.
Своеобразны отношенья
И с Музой, да и вдохновеньем,
Но хочется признаться всё же,
Что для меня их нет дороже.

* * *

Одуванчики-бубенчики
Желторотые, как птенчики,
Всю лужайку опоясали,
Двор весною разукрасили.
И такое умиление,
Радость встречи, восхищение!
Каждый год, как потрясения,
Жду я вашего цветения.

* * *

Какая прелесть:
Утром свежесть
Всей грудью глубоко вдыхать,
Дарить любовь,
тепло и нежность,
Работать страстно, отдыхать!

РАССВЕТ

Шарик огня
В окошке маячит,
Тайной маня,
Круглый, как мячик, —

Это рассвет
В преломлении о́кон
Шлёт мне привет
Своим солнечным о́ком.

* * *

Листья — жёлтые заплатки,
В них затеял ветер прятки:
То в охапки соберёт,
То отправит их в полёт.

Они разные: резные,
Шаловливые, цветные —
Разлетятся кто куда...
И наступят холода.

В ПЛЕНУ БЕЛЫХ НОЧЕЙ

В плену белых ночей моё сердце
И стучит, и поёт в ритме скерцо,
На такой музыкальной волне
Хорошо и волнительно мне.
На душе и вокруг много света —
Это снова сургутское лето.
И от радости встречи в ночи́
Моё сердце стучит и стучит.

Я ГАДАЮ НА РОМАШКЕ

Взгляд открытый, душа нараспашку —
Здравствуй, друг, полевая ромашка —
Сердцу милый наивный цветок!
Ты находишь приют у дорог,
Между грядок на даче и в поле.
Одним словом, растёшь ты на воле.
И, как ты, я свободу люблю,
А когда лепестки тереблю,
На извечный вопрос: «Любит? Нет?»
«Да!» — хочу я услышать в ответ.

* * *

Напиталась дождями земля.
Я бреду по мокрой траве,
И дурманят меня тополя.
Мысли кружатся в голове:
Как же всё-таки здорово жить
На планете, что создана Богом!

Научиться б ещё дорожить
Тем, что есть. И возвышенным слогом
Песнь сложить или, может быть, гимн
Хорошо б. Только вот незадача:
Что имеем, увы, не храним,
Потерявши, естественно, плачем.

* * *

Свечи́ волнующее пламя,
Камина греющий огонь,
Одно есть общее меж вами:
Обжечься можно — только тронь.

Но пламени того волненье
Рождает образы во мне.
Энергию и вдохновенье
Я в этом черпаю огне.

* * *

Годы наши так несутся —
Только успевай, держись!
Не успеешь оглянуться,
Как прошла почти вся жизнь...

* * *

Чтоб умереть, когда увидела Париж!?!
Да, Бог с тобою, что ты говоришь?!?
Вот я увидела Париж — и что же?
Мне стала жизнь ещё дороже!

* * *

Невидимою кистью
Рисует Бог рассвет,
Раскрашивает листья
В багряный, жёлтый цвет.

Красою удивляет
И восхищает всех.
И жить, не замечая
Его величья, — грех.

Александра Лазарева

* * *

Всколыхнулась зорька тихая,
На меня да подивилася:
— Что стоишь, склонивши голову?
— От печали притомилася.

У крылечка вместо матушки
Куст красуется крапивушки.
Где отец столбы выстругивал,
Горько плачет кустик ивушки.

Как бы мне избыть — не ведовать
Горе-горюшко пленящее,
Преградившее дороженьку
Из былого в настоящее?

РОДИТЕЛЬСКИЙ ДОМ

Ножки детские босы. С царапиной — к маме.
С воплем громким бежали в родительский дом.
Где обид наших горьких волнующий пламень
Затихал под заботливым добрым крылом.

Неудачи в любви, как в пронзительной драме,
Мы уладить старались одни, а потом
С этой болью сердечной спешили мы к маме,
В самый светлый на свете родительский дом.

В доме лад и тепло. Мы — родители сами.
Но хочу я прижаться дочерним плечом
К самым мудрым и чутким — к папе и маме —
В цитадели, чьё имя — родительский дом.

ТАМ НАША ДЕРЕВНЯ БЫЛА

Где гордо гусыня гогочет
Под лавкой в гнезде у стола,
Где самые звёздные ночи —
Там наша деревня была.

Где лодочка озером чистым,
Синь неба качая, плыла,
Я светом питалась лучистым —
Там наша деревня была.

Где гимны крестьянской работе
Певучая пела пила,
И люди в единой заботе —
Там наша деревня была.

Где всякое чудо возможно,
Где сказка стать явью могла,
И вера — закон непреложный —
Там наша деревня была.

Где в травах душистого лога
Россия-ромашка цвела…
Не скажет никто, кроме Бога,
Где наша деревня была.

НЕВЕСТА

Прислала мне мать телеграмму,
На чудо зовёт посмотреть:
Выходит черёмуха замуж,
И некому это воспеть.

А тополь-жених шелестяще
Избраннице милой своей
Поёт о нахлынувшем счастье
И тянется, тянется к ней.

Шумит её белое платье,
Свежо для него одного.
Она открывает объятья,
Она обнимает его.

Льёт звон колокольный из Храма —
Является миру любовь.
Выходит черёмуха замуж,
А в людях волнуется кровь.

* * *

Деревья осенние —
Яркие фантики,
В ветки вплетённые
Жёлтые бантики.

Золото дарит
Рощицам осень.
Поле в зелёном —
Радует озимь.

Осинки-девчонки —
Платьица красные,
Чувства внушают
Добрые, ясные.

Взгляду внимают
Пейзажи родные
С поклоном — к природе,
С любовью — к России.

* * *

Невестка сыну дарит дочь,
А мне доверено молиться.
Прошу девчоночкам помочь:
Одной — родить, другой — родиться.

Как будто вечность длится миг,
Но, мне даруя воскрешенье,
Провозглашает детский крик
Явленье Божьего творенья!

БАБУШКЕ НАТАЛЬЕ

Прикоснулась к родному, кровному,
Прошагала по той земле,
Где под старыми, сгнившими брёвнами
Был когда-то бабушкин след.

Я согнулась, как сломанный колос,
Что на поле совсем один.
В небесах, будто бабушкин голос,
Простонал журавлиный клин...

* * *

Иван — крестьянский сын —
Любимый старший брат —
В работе — Господин,
Творящий мир и лад.

Коса, топор, пила —
Подвластно всё рукам.
А что судьба дала,
Расставил по местам.

Жена и мать, и дочь —
Начальнее начал.
Ко мне и в день, и в ночь
На помощь прибегал.

У Господа прошу:
Здоровьем будь богат
Иван — крестьянский сын —
Любимый старший брат.

* * *

Балалайка, частушка, гармошка —
Самый добрый признак села.
На денёк, на часок, на «немножко»
Я бы в прошлое это ушла.

Земляки поднимались с рассветом,
Только сумрак ночной притих,
Соловьи с петухами дуэтом
Заводили мелодию-стих.

Всё сплеталось: работа и пляски,
Скрип ворот и подойников звон.
И скрывала влюблённых ласки
Тень больших тополиных крон.

Я смотрела в родное окошко,
Где по озеру лодка плыла…
На денёк, на часок, на «немножко»
Я бы в прошлое это ушла.

* * *

А сколько мне счастья осталось до тризны?
Пусть самую малость — порадуюсь жизни!

Она многоцветна, как чудо из сказки —
Пошлю-ка приветы, построю-ка глазки!

Исправлю ошибки, что сделаны раньше,
Да с доброй улыбкою внуков понянчу.

И миг будет дорог без страха и грусти,
А мне только сорок! Да… маленький плюсик.

Надежда Лишманова

РАССТАВАНИЕ

Осени меня, мама, в дорогу крестом —
Уезжаю на Север, далёко.
Не забуду в разлуке родительский дом.
Ты не плачь, не волнуйся до срока.

Буду письма писать, приезжать в отпуска
И звонить тебе буду я часто.
А сейчас, дорогая, присядем пока
На удачу в дороге, на счастье.

Отпусти с легким сердцем и двери закрой —
В отчем доме нет места печали.
Пусть поселятся в нем тишина и покой.
Ты гордись, что мы взрослыми стали.

* * *

Я не была на той войне,
Не испытала боль и голод.
Так почему ж тогда во мне
Весной по жилам тянет холод?

Он рвёт мне душу пополам
И лихорадит мелкой дрожью.
Я снова в мыслях где-то там
Бреду одна по бездорожью,

Где грязь и кровь текут рекой,
Где сапоги на босу ногу.
Сама себе кричу: «Постой!»,
Молясь невидимому Богу.

Весна. И в воздухе сирень
Дурманит запахом победы.
Ты уходи, война, ты — тень,
И мне с тобой не до беседы.

Я не была на той войне,
Так почему она тревожит,
Вновь загорается во сне
И успокоиться не может?

НА КРАЮ ПЕРРОНА

Отъезжают, убегают от перрона поезда.
Пассажиров провожают, расстаются навсегда.
На вокзале плач и хохот — суматошная среда,
Покидать родных непросто, но разлука — не беда.

Загорелся свет зеленый — поезд трогается в путь.
Вот бы мне в таком вагоне всю Россию обогнуть!
А страна у нас большая: реки, горы и поля —
Необъятные просторы, благодатная земля.

НЕГАСИМЫЙ СВЕТ

На журнальном столике маленький портрет.
Мы давно не виделись, да и писем нет.
Как живёшь, любимая, почему молчишь?
Знаю, ты волнуешься, по ночам не спишь.

Завела я с мамою прежний разговор,
Может, не по правилам, может, снова вздор.
О хорошем думаю, но душа болит,
Сердце растревожилось, ноет и щемит.

Может, не здоровится, тяжело одной?
Ты забыла, мамочка, я всегда с тобой.
На журнальном столике маленький портрет —
Тоненькая ниточка, негасимый свет.

ОТКУДА?

Гибкие ветки омыты дождём,
Воздух насытился запахом сада:
Роза, лаванда и лилия в нём.
Манит живая прохлада.

Мокрых тропинок исчезнет печаль,
Небо раскрасило солнце.
Высохнет влага, но мне её жаль,
Лучик стучится в оконце.

Сколько на радуге милых цветов,
Нежно-малиновых, красных.
Может, они из несбывшихся снов —
Радостных, светлых, прекрасных?

СНЕГИРИ

Словно яблочки на ветках
Появились средь зимы.
Может, кто-то вновь из лета
Нам их жалует взаймы?

Но такого не бывает —
Столько яблок на снегу,
Нарисую их в блокноте
И на память сберегу.

Опустился к горизонту
Ярко-красный солнца диск,
И стеной стоит морозной
Разноцветный обелиск.

Алый цвет от птиц волшебных
Озарил уснувший лес,
Поднимаясь в небо выше,
Покружился и исчез…

Александр Любякин

РУСЬ

Вознеслась над землёй церковь белая,
Золотые её купола.
Пахнет мёдом в лугах переспелая,
Золотисто-льняная трава.

Я пойду поутру в церковь белую,
Помолюсь за былые грехи.
И с косою в траву переспелую,
На ходу сочиняя стихи.

Дзинь-да-дзинь, под рукою умелою,
За волною ложится волна.
Песнь заводит кузнечик несмелую,
Ах, какая вокруг тишина!

Запах свежего сена в лугах
Навевает легчайшую грусть.
Буду вечно любить я тебя,
Васильковая нежная Русь!

РЕВНОСТЬ

Жизнь прожить — не поле перейти, —
Поговоркою хочу сказать.
Разошлись с тобой наши пути,
И не повернётся время вспять.

Расплескал нечаянно любовь
На крутом каком-то вираже.
Старым чувствам не вернуться вновь,
Нет на это времени уже.

Заблестели инеем виски,
Сердце беспокойное шалит.
Волком не завыть бы от тоски,
Сам с собою начал говорить.

Не ревнуй к поэзии меня,
Только ей одной хочу служить.
Так уж повелось, день ото дня
Будем одиноко вместе жить.

ПЧЕЛА И МУХА

(Басня)

«Ты посмотри, какой наряд,
И глазки яхонтом горят, —
Жужжала муха
Пчеле на ухо. —
Я целый день тружусь, жужжу,
Неужто вам в невестки не гожусь?»

«Я взять тебя в родню была бы рада,
Но ты скажи, какая обществу от вас отрада?
Мы мёд несём, всё больше раз от разу,
А вы разносите микробы да заразу.
Всё лето трудимся мы, в сборе мёда ловки,
От вас одна лишь польза —
Мухоловке».

АВГУСТ

Поразвеси*л* мишень-паутинки
Август в старом сосновом *л*есу,
В сп*л*етённой из ивы корзинке
Грибы своей ми*л*ой несу.

Подёрну*л*о золотом *л*истья,
А в чаще рябиновой — медь.
Протяжные русские песни
В *л*есу этом хочется петь.

* * *

В старой гавани якорь я бросил,
Позабыл, что такое любовь.
Ну, зачем ты вошла в мою осень,
Ну, зачем взволновала мне кровь?

Может, это просто приснилось,
Но прижата к щеке щека.
Бог к закату мне дал эту милость,
Ты по возрасту так далека.

Как жестока бывает старость,
Я люблю, и, быть может, любим.
Не растай же любви этой сладость
В небесах, словно розовый дым.

ПРЕДЗИМЬЕ

Небо плачет осенним дождём,
Город замер в преддверьи зимы.
Безнадёжно тепла ещё ждём.
Почему же так холодны мы?

И какие же злые метели
Заморозили наши сердца?
Помнишь, птицы нам весело пели,
И ромашки касались лица?

Я дарил тебе ветки сирени
И черёмух дурманящий дух.
Для двоих нас и кедры звенели,
С тополей облетал белый пух.

И куда ж унеслись те мгновенья,
Стук влюблённых сердец в унисон?
То же птиц вдохновенное пенье…
Неужель это был только сон?..

* * *

Даль то ясна, а то туманна,
Окна́ ажурный переплёт.
Из вышних далей снова мама
Меня тихонечко зовёт.

Приди, сынок, и посиди
Над холмиком, травой заросшим.
Как много вёсен позади,
Какой сегодня день хороший!

С высот заоблачных смотрю
На внуков быстрые года,
Всевышнего за вас молю,
Чтоб милостив к вам был всегда.

Живи, сынок, твори добро,
Покуда сердце твоё бьётся.
Поверь, родной, к тебе оно
В свой час сторицею вернётся.

СТРАСТЬ

Ты ушла в феврале,
Когда выли сибирские вьюги.
Снежный вихрь во дворе —
Веселились нечистого слуги.

Как твой образ был мил,
Как твой голос был нежен и звучен.
Я тебя не любил.
Был смертельно тобою измучен.

Та безумная страсть,
Что питал в своё время к тебе, —
Та пиковая масть,
Что ведёт непременно к беде.

Я ту страсть не забыл
И тот голос, что нежен и звучен.
Я тебя не любил,
Был смертельно тобою измучен.

ХРУПКИЙ МИР

Хрупкий мир. Я гитары касаюсь,
Как мальчишка девичьего стана.
И сегодня, друзья, вам признаю́сь,
Звук волшебный *л*юбить не устану.

*Л*ишь заслышу я голос струны́,
Что звучит переборами звонко,
Сердце стукнет: не надо войны,
Пусть дождётся со*л*дата девчонка.

Я хочу, чтоб горячие точки
На зем*л*е поскорее погасли,
Чтобы наши счастливые дочки
Всё несли и несли деток в ясли.

И тогда вновь коснусь я струны́,
И спою колыбельную внукам.
Никогда пусть не знают войны,
*Л*ишь гитар очарованы звуком.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Зима ещё ворчит сердито,
Не хочет уходить, хоть плачь.
Ручей назло ей, деловито
Под горку резво мчится вскачь.

И луч живительный пробился
Из-за косматых, тёмных туч,
Скользнул по кронам, удивился:
Спит лес, но и во сне могуч.

И по стволам берёз и елей
Луч резвый белкой проскакал.
Пора вставать, ушли метели,
Покров зимы с ветвей упал.

Пора встряхнуться ото сна,
Дождями первыми умыться.
Весна идёт, спешит весна,
Ей гимны распевают птицы.

Николай Ослоповских

КРАПИВА

Она не радует наш взор
И запахом не привлекает,
Листа бесхитростный узор
Природа чётко повторяет.

Из года в год, из рода в род
Растёт в России первобытно,
Как независимый народ,
Своею дружбой монолитный.

Её не раз хотели сбрить
С лица Земли, но толку мало:
Она — чуть время пролетит —
Во весь свой рост опять вставала.

УТРО

Звёзды тают, тьма пропала,
Свет разлился за окном,
Из тумана солнце встало
Жёлто-розовым пятном.

Выйду утром на просторы —
Сердце просит красоты —
Водит с ветром хороводы
Колос чудной простоты.

Воздух, свежестью налитый,
Грудь вздымается легко,
За холмами деловитый
Слышен рокот тракторов.

Вдаль уйду тропинкой узкой
В море алое зари,
Где движеньем вольным русским
Душу тешат косари.

ОБНОВЛЕНИЕ

Осенний дождь опять загнал под крыши.
Спешит прохожий, прячась под зонтом.
Поток воды, дарованный нам свыше,
Все льёт и льёт, ему всё нипочём.

Промозглый воздух, ветер беспощадный
Пронизывает, кажется, насквозь.
Хоть до природы я всегда был жадным,
Придется нам пожить немножко врозь.

Долой хандру! Не будь к себе невеждой!
О солнышке ведь можно помечтать,
Коль есть в тебе хоть искорка надежды,
Чтоб повернуть всё к лучшему опять.

А дни мелькают, как в колёсах спицы,
Уносят наши лучшие года,
Мы суетимся, словно в клетке птицы,
Надеемся на лучшее всегда.

И вот проснёмся утром — что за диво?
Вокруг всё так торжественно-бело,
Луч солнца по стеклу скользит игриво,
И на душе так радостно, светло!

ЗИМА

На фоне неба звёздного,
На фоне неба синего
Стоят берёзы стройные,
Белеют, сердцу милые.

Метель лихая, лютая
Смела с березок кружево,
А после вновь укутала,
Снежинками завьюжила.

Скорей бы солнцу щуриться
За облаками дальними.
Стоят, на ветре хмурятся,
И дремлют в ожидании

ЗАДИРА

Бушевал в Сургуте ветер,
Пел, свистел и завывал,
Прошлогодних листьев пепел
Вдоль дороги разметал.

Грохотал железом крыши,
У деревьев ветки гнул,
Полотно сорвал с афиши,
Словно парус развернул.

Заставлял людей сжиматься,
Укорачивал их шаг,
Словно вдруг решил подраться,
Силу, удаль показать.

А потом рванулся выше,
Разогнал все облака.
И, как небо стало чище,
Сверху крикнул всем — пока!

ЕЩЁ ВЧЕРА

Ещё вчера
Под скрипку ветра
В прощальном вальсе
Кружился лист,

А утром рано
На груду пепла
Хлопья белые
Улеглись.

Ещё вчера
Вода блистала,
В нее смотрелся
Небесный свод,

А утром рано
Её не стало,
Родился тонкий
Прозрачный лёд.

Ещё вчера
Мы были вместе,
Шутили, пели,
Как никогда,

А утром рано,
Забыв про песни,
Расстались разом
И навсегда.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Ты мне писем больше не пиши,
И без них былое не забудется.
Я давным-давно уже решил:
Раз утерянное — вновь не сбудется.

Первая любовь всегда одна.
По утру бывает солнце юным,
К вечеру, пройдя дорогу дня,
В горизонт укладывает струны.

А вот ветер — тот наоборот,
Ночью колется щекой небритою.
И заводит в небе хоровод
Королева с миллионной свитою.

Год, как день, промчит, но память вновь
Каждый штрих из прожитого вытащит.
Знай, ещё раз первую любовь
Жизнь нам никогда уже не выточит.

* * *

Блистать и очаровывать
От Бога им дано,
Внимание приковывать
Природой суждено.

Своим явленьем — радовать
И волновать сердца,
Как семицветье радуги,
Что в небе в два конца.

Судьбе — своей сопернице —
Идти наперекор,
Все трудности и горести
Встречать всегда в упор.

С любовью, лаской, нежностью
Растить своих детей,
Чтоб был, как воздух свежестью,
Мир чище и светлей!

Людмила Премудрых

АЛЁШКА

Муравья поймал Алёшка —
И захлопнулась ладошка.

«Ну, дружок, как жизнь твоя?» —
Он спросил у муравья.

«В тёплый день одни заботы
И с утра полно работы.

Отвлекаться не могу,
Извини, я побегу».

«Ну, пока», — шепнул Алешка —
И опять пуста ладошка.

ЛЕСОВИЧОК

В километре от Сургута,
Охраняя родничок,
Сам росточком с *лилипута*,
Дед живёт — *Лесовичок*.

Охраняет *лес* и воды,
Наблюдает за зверьём,
Он помощник у природы
В заповеднике своём.

Развернула я конфетку,
Фантик бросила в траву.
И никто не видел это,
Только слышу наяву:

«Здравствуй, гостья дорогая!
Вижу я издалека,
Как идёшь сюда, играя,
За водою родника.

Кто с добром, тому и рады,
Черпай воду, не зевай.
Только мусорить не надо,
Фантик этот — забирай!»

Испугалась я, не скрою,
Что такое? Кто такой?
Кто осеннею порою
Шутки шутит надо мной?

Молча выслушала речи.
Хочешь — верь, а хочешь — нет.
Дед махнул рукой: «До встречи!»
Улыбнулась я в ответ.

А потом лицо умыла
Родниковую водой,
Думаю: «Что это было?»
Фантик забрала с собой.

ДОМАШНИЙ ДОКТОР

Белую вату смочила в зелёнке —
Надо помазать занозу сестрёнке.

Мы на царапину дули вдвоём
И бинтовали стерильным бинтом.

Мама спросила: «В чём дело, девчонки?
Вы ж от ушей и до пяток в зелёнке!

Ну-ка, скажите мне, что приключилось?»
— «Просто, я вместе с сестрою лечилась!»

НОТА «ЛЯ»

В каждой песенке живёт
Семь весёлых звонких нот.

Нас лелеял с давних пор
Их певучий разговор.

Но однажды «Ля» пропала.
Вот была! И вдруг не стало.

Музыканты сбились с ног —
Кто её похитить мог?

Позже нотка объявила:
«Я немного пошутила!

Чтоб не пряталась я впредь,
Надо чаще песни петь!»

ЯЗЫЧОК

За зубами, между щёк
Жил болтливый Язычок.

Он колючестью своей
Задевал других детей.

Но однажды без усилий
Зубки больно прикусили.

«Ты, вертлявый, без костей,
Получи своё, злодей».

Тут раздался громкий крик —
И задумался Язык.

ГРАМОТЕЙ

Навалилась лень на Мишку,
Обвинил он в этом книжку.

«Кто придумал чтенье книг? —
Раздавался Мишкин рык.

Это скучная работа,
От неё мне спать охота!»

Думал он, нужней всего
Только силушка его.

На бревно залез — и вот
Книгу ту на части рвёт.

Пробегала мимо Мышь:
«Косолапый, что шумишь?

Чем ты хвастаешься, милый?
Ум порой важнее силы...»

А сама обрывки книжки
Забрала для дочки-Мышки.

Мишка в лапы хлопнул: «Кыш!»
И в траве исчезла Мышь.

Отчего-то сам не свой
Плёлся Мишенька домой.

Рассуждал: «Енот, Лисица
В первый класс пошли учиться,

Если я начну читать —
Очень много буду знать.

Да! Теперь понятно мне:
Сила спрятана в уме!»

Стать он грамотным решил
И.... букварь себе купил.

ЗЕБРЁНОК

Зебру, мамочку родную,
По полоскам нахожу я.

И совсем не трудно мне
Жить в огромном табуне.

Я полос расположенье
Знаю с самого рожденья.

МАЛЕНЬКИЙ «ГЕНЕРАЛ»

Я примерил деда китель,
Словно выше ростом стал.
Мне идёт он, посмотрите —
Настоящий генерал!

КАК ПАПА

Мне купили автомат —
Он теперь со мной повсюду.
Я — как папа, я — солдат,
И служить России буду.

ПРАЗДНИК ПАПЫ

Праздник папы в феврале:
Торт и фрукты на столе,

Потому что папа мой
Служит в армии родной.

За отвагу папе дали
Настоящие медали!

Папе руку жмут друзья.
И горжусь, конечно, я!

МАЛЫШИ

Мышь котёнка испугалась,
Под листом к земле прижалась.

В чёрных маленьких глазах
Затаился мышки страх.

— Как тебя зовут, малышка?
— Пипа — маленькая мышка.

— А меня зовут Пушок,
Я единственный сынок.

Что, подружка, приуныла?
— Где мой домик, я забыла.

— Провожу тебя домой,
Потому, что я большой.

За котёнком из окошка
Наблюдала мама-кошка.

А они, шагая с горки,
Мирно шли к мышиной норке,

И для Пипы нёс Пушок
Одуванчика цветок.

НАСЕДКА

Квохчет курочка: «Ко-ко!
Мне с цыплёнком нелегко.

Непоседа, озорник,
Слушать маму не привык,

Он недавно рядом был,
А теперь и след простыл.

Ты не видел, Петушок,
Где наш прячется сынок?

Обежала я весь двор,
Заглянула за забор.

Нет проказника нигде —
Непременно быть беде!»

«Не волнуйся, ко-ко-ко,
Не ушёл он далеко,

На твоей сидит спине,
Машет крылышками мне!»

ПОГАНКИ

Хвалились на полянке
Ажурной бахромой
Две бледные поганки,
Одна вредней другой.

Гордилась нежной шляпкой
Поганка покрупней,
Другая — тонкой ножкой
И рюшками на ней.

Опёнок на пенёчке
Махнул на них рукой:
«Красивые грибочки,
А пользы — никакой!»

Людмила Премудрых
Александр Козловский

КОНЮХ

Дарья встрепенулась и открыла глаза. Стук в окно повторился. «Кого опять в таку рань принесло?» — недовольно подумала она и тронула за плечо лежащего рядом мужа, — Вань, опять, поди, по твою душу пришли.

Иван не спеша поднялся, натянул на босу ногу валенки, накинул на плечи полушубок и направился к двери.

Иван Изместьев, сколь себя помнил, работал с лошадьми. Мог он, конечно, и с другой крестьянской работой управляться, но кони были ему больше всего по душе. И дед его, и отец покойный были конюхами. Вот и он трудился конюхом в небольшом конеколхозе под Нолинском. Должность, конечно, небольшая, но пользовался он всеобщим признанием и уважением. Мужики меж собой по-доброму называли его «лошадиным угодником». Все о лошадях Иван знал. Не по-научному, конечно, а по-своему, по-мужицки. Поговаривали в округе, что по ржанию мог он определить, какая кобыла подала в табуне голос. А еще, правда или нет, не знаю, по одному виду мог распознать, здорова ли лошадь; по движению ушей мог определить настроение лошади. Он своих познаний не скрывал, наоборот, молодых поучал: «Ты гляди глазами-то повнимательней, сам все распознавать начнешь».

Хозяйство мало-помалу росло. Председатель уже скольких к нему в помощники определял, да все Ивану не по нраву приходились. Направят ему парниш-

ку, он честь по чести с парнем поздоровается, а потом и предложит: « Ну, давай с хозяйством знакомиться. Вон подойди-ка к той лошадке, посмотри-ко на нее, погладь, поговори с ней». А сам не столь за лошадью, сколь за учеником поглядывает. Кому сразу говорит: «Не твое это парень дело, обижайся — нет, но не выйдет с тебя толку». Председатель матом ругается: «На тебя, слышь, не угодишь!» — а он знай, своё: «Не будет проку, и всё тут. Лошадь, она хоть и сильная, но нежная. Железяка, и та любит уход и внимание, а они душу имеют, как человек. Твоя воля, председатель, я человек маленький, но коли что с лошадками случится, то я не в ответе». Сам с лошадьми целыми днями время проводил, небось и не заметил, как родные дети выросли. Жена не раз сетовала: «Женился на мне, а живёт в конюшне».

— Степан Николаич, ты что это в таку рань, случилось что? — спросил Иван.

— Покурим, давай, — начал издалека председатель, доставая папиросы.

— Давай, — согласился Иван и присел на завалинку. — Ты ко мне как председатель, али, как кум?

— Я тебе, как человек, Ваня, — ответил тот, закуривая.

Любови между ними особой не было, хотя и родня. Иван, бывало, его по-свойски кумом обзовет, а тот — «Я тебе не кум, а председатель, начальник твой». Но, что касается дела, к мнению Ивана прислушивался.

— Ладно, что стряслось-то?

— Из города бумагу прислали, готовь лошадей к отправке.

— Всех?! — Большую часть требуют. Ты же сам понимаешь, война.

Иван сразу посерел лицом, далее слушал председателя молча, только было видно, как вздымались его ноздри.

Да и что было говорить. Новость о том, что в августе случилось в Кирове, докатилась и до них. Там в железнодорожном тупике был заблокирован целый состав с лошадьми — их тоже должны были направить на фронт. Как и положено, вдоль всего состава была выставлена вооружённая охрана, чтобы народное добро охранять. Солдатам был отдан приказ: самим к вагонам без особого распоряжения не подходить и стрелять в каждого постороннего, кто приблизится к вагонам. Вот только «не посторонние» куда-то подевались: то ли их самих срочно на фронт отправили, а они никому полномочия не передали, то ли просто забыли по причине всеобщей суеты и неразберихи; а может, и впрямь, это были вражьи происки...

Больше десяти дней бедные животные мучились от жажды и голода. Люди, говорят, не раз кружили вдоль тех вагонов, просились, чтоб пропустили бы бедных животин хоть напоить. Да куда там! Солдатики затворы передёргивают, а сами глаза рукавом трут. Им тоже не позавидуешь. Как известно, бумага с пером не спорит, а приказ не выполнишь в военное время — самого расстреляют. Загубили всех. Может и нашли кого крайнего… потом, да толку-то что? «И пошто колхозники своих

с эшелоном не направили? — недоумевали в деревне. — Был бы пригляд — не случилось бы этакого».

Иван выпустил густой дым через нос и, не поднимая головы, спросил: «Сколь дней даёшь?»

— К концу недели отбыть надо.

Конюх прикинул, что у него есть в запасе пару дней для сборов, молча досмолил и, швырнув окурок в снег, подытожил: «Ладно, председатель, и на том спасибо».

Был Иван по натуре своей сдержан и не тороплив. Неспешность его, как считали в округе, была по причине детского увечья. Свекровь рассказывала, что, когда Ваньке было годика три-четыре, старшие братья — огольцы те еще — посадили его на телёнка. Тот мальца сбросил, ногами задрыгал, и получилось так, что телячье копытце угодило ему в подколенную ямку. К врачу не возили: куда там, коли до него ехать, день почти добираться, а хозяйство оставить не на кого.

Повезли к бабке-ведунье в соседнюю деревню. Та чем-то ногу мальцу намазала, тряпицей перевязала, велела через два-три дня приезжать. А время-то где взять? Десять верст почитай — то ж не ближний свет. Поступили, как все тогда: к житью — так выживет, да и не девка красная — замуж не выходить.

Выжить-то выжил, а вот нога так и осталась покалеченной. Мальчишки дразнились, конечно, и частенько приходилось ему на кулаках доказывать свою силу и сноровистость. С тех пор он и приноровился ходить не спеша, чтобы хромоту меньше было видно со стороны. Крестика нательного не носил, но заговоров и мо-

литв знал много (мать в детстве научила). Бывало, что и грыжи детям заговаривал и рожу, да и с вывихами наловчился управляться не хуже лекаря. Как-то даже сам председатель к нему обратился. Помоги, кум (и кумом назвал!) говорит, чего хошь делай, не для себя прошу. Крысы в коровнике ходуном ходят. Бабы, перед тем как дверь открыть, палками по подойникам брякают. А те их не больно боятся. Возле стен сидят и в глаза входящему смотрят, сволочи… Половицы ведь поднимают, то и гляди, в молоко прыгать начнут, да и молодняк, боюсь, погубят.

После доярки рассказывали, что пришёл Иван после вечерней дойки. Закрыл за собой ворота и минут тридцать что-то монотонно говорил, и кнутом щёлкал. И надо же! Крысы смиренно серо-чёрной лентой в сторону леса ушли. После бабы сами же над ним подшучивали

— Что, договорился с крысами полюбовно?

А у того аж рубаха к спине прилипла. Видать, непростое это дело было.

— С ними дружить надо, — отмахнулся он, снимая кепку, и пробороздив пятернёй по вспотевшей голове, добавил: «Это с вашим братом скоро каши не сваришь, а они… народ понятливый. Ясно вам, бабоньки?»

Заканчивался декабрь. Уже зима лютовала на дворе, а немец, хоть настучали ему малёха, продолжал облизываться, глядя в сторону первопрестольной. И хоть вслух говорить опасались, всем уже ясно было — не скоро войне конец.

Вечером, закладывая лошадям корм, Иван подолгу останавливался возле каждого стойла, но не разговаривал с лошадьми, как обычно, а только молча трепал их гривы, гладил их бархатистые морды, подтягивая к своему лицу прохладные губы. Обойдя своё хвостатое хозяйство, он, не выходя из конюшни, просидел там на приступочке до самой темноты, о чём-то размышляя, не выпуская папиросы из рук.

Знал председатель, что лучше, чем Иван Изместьев, с заданьем не справится никто. Да и Иван это сам прекрасно понимал. Не Гришку же Ерёмина посылать.

Перед самой войной почти обзавелся-таки Иван помощником. Гришка — с виду был парень хоть куда, да вот только на голову маленько хвор. Девки с ним не гуляли, говорили, что он на «скору руку» сделанный. Да Ивану-то до этого что, главное, что человек — до работы зверь, и хоть соображает медленно, но что усвоил — то навек. Сам здоровенный, кулаки — что те литровые банки, не дай Бог кого припечатает — костей не соберешь, с виду грозный, а на деле — добрей не сыскать. Говорил он как-то по особому: к примеру, слово «всё» он с детства произносил «свё», вместо «молоток» — «мотолок» — словом, путались у него в словах буквы. Ну, да местные со временем к этому привыкли, и уже никто над ним не смеялся и не пытался переучивать. В армию его не взяли, так он два дня голосил. Иван его и утешил: мол, не горюй, мало ли что в жизни бывает, а парень ты хороший, пойдем ко мне помощником. И не ошибся, была у него способность людей разглядеть.

— Здорово, Иван, — чего припозднился? — в конюшню вошел председатель.

— И тебе не хворать, Степан Николаич, — ответил тот, не вставая — Слышь, ты в городе к начальству вхож, похлопотал бы за меня, где надо. Это, к тому я, что б лошадок до самого фронта доставил, а то не ... Он замолчал, глядя на председателя в упор.

— А справишься?

— Меня знашь, не подведу, — он слабо улыбнулся и добавил, — коль один да зорок, не надо и сорок.

— Знаю, честно говоря, я и сам тебя об этом хотел просить.

— А че просить, надо — значит надо.

— Дарье-то что сказал? Она ведь… — он не договорил.

— Не с её носом клевать просо! — перебил Иван.

— Ну, как знашь. А все ж сказать надо.

Иван и сказал… Вечером перед отъездом. Не всё, конечно, ибо справедливо рассуждал, что чем меньше баба знает, тем крепче спит, да и нюней поменьше будет.

— Ты чё удумал, старый мерин, небось, сам напросился, али кум надоумил? Я тя, как облупленного, знаю, — в слезах причитала Дарья.

— Я и шагу еще не сделал, а ты уж воешь, как стельна корова. Подумашь, отгоню табун в город — и назад. Сапоги дорогу знают, только ноги поднимай.

— Ты ведь, как репей, вцепился — не отстанешь, — еще и в солдаты, поди, определишься.

— Не скрипи. Поздно оглобли поворачивать, — строго оборвал её Иван, потом, смягчившись, добавил — Ты лучше займись делом, сидор собери мне.

И больше не обращая на нее внимания, достал дратву, шило, большую иглу и сел поближе к окну подшивать валенки.

Дарья, немного успокоившись, подошла к мужу и присела на табурет напротив.

— Вань, да ты ведь всего-навсего-то — конюх… не догнать, не убежать не сможешь… как же, мы, вятские, семеро одного не боимся, — она стянула с головы платок и закрыла заплаканное лицо.

— Догнать, конечно, не догоню, да и сам убегать не стану. А случись рукопашная… ещё поглядим, чья возьмёт…

Последнюю фразу Иван произнёс еле слышно, будто для себя. Он неторопливо поднял тяжёлый взгляд на дверь, медленно намотал на ладонь нить дратвы и, сжав зубы, злобно процедил: «Умоются рассолом…». При этих словах он резко рванул крепкую нить на себя. Дарья, глядя на мужа, остолбенела от страха. Она поднялась с табурета и молча подалась на кухню.

— Машу не сегодня-завтра заберут, и ты туда же, — теперь не громко слышались Дарьины причитанья из-за печки. (Дочь их заканчивала курсы медсестер в городе).

— Уймись, не бабьего ума это дело… говорю, делом займись.

Дарья позвякала умывальником, пошмыгала и притихла. Пожиток было не густо. Правда, успела напечь пре-

сных пирожков с морковкой и капустой. Хлеб, сало, варёные яйца, наколола сахару, спичечный коробок соли, алюминиевая кружка и портянки легко улеглись на дно немудрёной поклажи.

— Ты, слышь, лишку не ложи, — распорядился Иван, — тяжесть мне ни к чему, а то ведь как на Маланьину свадьбу нагребла.

— Ну, до чего ты толсто знашь, а стары люди говорят: едешь на день, а хлеба на неделю бери, — и хоть старалась она угодить мужу, но ничего из сидора не вынула. — Не разъешсси, у тебя сала на боках, как у петуха на коленке. Ты погляди на себя: исхудал, чисто сухостой болотный. Кость да жила — вся твоя сила, а то и штаны дорогой потеряшь, потеряшь да переступишь.

— Не пахано, не борони.

— Вань, а тебя точно не заберут, тебе ведь писят три. Али среди слепых и кривой в чести?

— А ты не печалься, о чём бог не велел, — закруглил он разговор.

У Дарьи оставалось ещё одно важное дело. Отойдя за печь так, чтоб не видел Иван, она проделала в фуфайке дырочку и пришила туда медный крестик. Заодно и глубокий карман для документов. Сразу положила туда тетрадный лист и огрызок химического карандаша: «Не болё писатель, хватит ему, а то и обратно привезёт, а все ж, коли вдруг задержится, так хоть весточку пошлёт».

— Ну, вроде управился, — заключил Иван, разложив по карманам махорку, спички, газету — без курева он никуда.

— Ваня, ты бы полежал, отдохнул маленько, в дороге силы надо.

— Помрём — належимся, — сухо ответил Иван и вышел во двор.

В городе, будучи на месте отбытия и обойдя все вагоны с лошадьми, Иван тяжело вздохнул. Не зря он вызвался. В дощатых вагонах сплошь и рядом были щели, да такие, что кое-где на стыках стен и пола рука пролезть могла.

Хорошо хоть военком помог, выслушал он Иванову речь молча. «Вы что, хотите, что б они до фронта не доехали?», тот в ответ что-то буркнул, но вскоре к Ивану подошел какой-то чин со станции:

— Там за отвалом старые доски лежат, бери — колоти.

— Вас бы самих колотить. Не май месяц, — ворчал Иван, закрывая щели обрезками досок, а сверху набрасывая конский навоз.

— Ложи навоз густо, не будет в амбаре пусто, — словно объясняя своё согревающее занятие, отрапортовал Иван заглянувшему молоденькому часовому, который только плечами пожал. Мол, к чему всё это.

Вагон, в котором расположился сам Иван, был получше. Мог он, конечно, и к охране в вагон — бумага о том, что он везет коней на фронт у него, следовательно, все, что им положено, и ему причитается. Да только, решил Иван, что несподручно это — ихний вагон в самом конце состава — с его ногой-то не набегаешься.

Расположился он в середине поезда, отгородил угол. Главное, что «буржуйкой» обзавелся, а остальное — ерунда, ему не привыкать: соломы несколько охапок кинул — вот те и постель.

— Господи, благослови! Дай Бог, добрый час, — вспомнил он материнское наставление, когда поезд, наконец, тронулся.

Но путь был не долог. Под Кировом, чтобы уступить путь другим эшелонам, отправка на фронт которых, видимо, была важней, состав с живым грузом был отогнан в тупик.

Мороз крепчал, четыре часа прошло, а они все стояли. Иван не находил себе места. Накопившиеся эмоции выплёскивались наружу крепкими словами.

— Летом сгноили животину, теперь заморозить решили? Ети вашу мать, нихай! — ругался он, обращаясь неизвестно к кому.

Самым обидным было то, что он не знал, что делать. Куда бежать, к кому обратиться. Да и будут ли его тут слушать: город-то чужой, пока ходишь да бумагами трясёшь перед здешним начальством — вдруг отправка. Никто ждать не будет. А с лошадьми что? От охранников толку мало — в этом он уже успел убедиться.

А холод всё настойчивее пробирался к телу Ивана и, казалось, нет от него никакого спасения. Тем не менее, он переходил от вагона к вагону и насыпал лошадям корм, понимая, что это хоть как-то поможет им противиться холоду.

Слава Богу, все само разъяснилось. Прибежал к нему один из охраны:

— На месте ты? Никуда не отлучайся. А то сообщили, что отправят скоро.

— Где уж там скоро! — проворчал Иван для порядку. Но успокоился, вернулся в свой вагон, затопил «буржуйку». Еду подогрел на плите и приладился писать весточку домой.

«…Выдали пайку на два дня. В моей теплушке печка и лежанка. Теперь бы коней в правильные руки передать. Маше скажи, пусть не спешит в пекло, войны хватит на всех. Детям поклонись от меня. По приезду кум обещал мне жеребёночка, правда, он хром. Ну, да и ладно. Твой конюх».

Письмо это Дарья получила через три месяца. Уже после того, как сообщили ей о гибели мужа. Перед самым фронтом попал эшелон под бомбёжку. Не зря, видать, мысли её дурные маяли. А письмо… И сейчас письма на почте теряются, с опозданием приходят, а уж тогда…

Уж позже рассказывала она, будто видела накануне сон: идёт она по полю навстречу Ивану. И такая красивая, и песни поёт. А голос такой чистый, звонкий, какого отродясь у нее не бывало. На голове шаль с кистями: на чёрном поле цветы разные, маки алые, и так она дорожит и гордится, что у неё есть такая богатая вещь. Вдруг налетел ветер и сорвал эту шаль, закружил, унес куда-то. Проснулась вся в поту, сердце колотится. Подошла к окошку, раздвинула занавески, а на подоконнике

«Ванька мокрый» все цветки сбросил… В руку сон оказался.

Обещанного жеребёночка председатель так и не дал. Оставшихся лошадей передали в другой колхоз для работ в поле. Да и Дарья не затевала этой темы. Слово к делу не пришьёшь, а ещё ведь что люди на это скажут?

Гришка, узнав о гибели Ивана и лошадей, в голос ревел в конюшне не один день, обещая скоро отомстить. Отдала Дарья ему на память Иванову кепку и сапоги. А как снег стаял, он в этих сапогах и сбежал на фронт.

В сорок четвёртом комиссовали его по ранению. О войне не рассказывал, не любил. Но единственной медалью «За отвагу» гордился. И, когда выпивал, говорил: «Я имям отомстил!»

Зато весной сорок пятого Маша жива-здорова вернулась. И надо ж — за Гришку замуж вышла. Детишек народили. Жили душа в душу — всем бы так. Поговаривали, что Григорий, как Иван, научился лошадей с одного взгляда понимать. Вот только заговаривать не мог. Это-то понятно как раз: заговор — он правильных слов требует.

И еще чудил иногда: то собаку хроменькую подберёт, а когда жеребят выбраковывают, обязательно самого захудалого себе заберёт и выходит. Но уж такой он человек!

Вячеслав Сазанович

СЛУЧАЙ НА ОХОТЕ

Я взлечу! Ты лишь только мне путь укажи
И крылом с высоты помаши, помаши.

Мне нисколько не больно, родной мой, поверь!
Лучше в небо держи приоткрытою дверь.

Этот выстрел меня лишь немного задел,
Он с тобой разлучить навсегда не посмел…

А на перья, любимый, мои не смотри,
Не беда, что они измарались в крови.

Видишь, я шевелюсь, видишь, грудью дышу,
Значит всё хорошо, и к тебе я спешу!

В громком лае собак смерть несётся ко мне?
Ты не верь, мой любимый, земной кутерьме.

Я взлечу! Милый мой, не сходи ты с ума
И крылом с высоты помаши мне, пома…

* * *

Кипит работа!
Шумят заводы!
Люди спешат
Сквозь удачи, невзгоды!..

… А в небе весеннем дрожат облака,
Из спячки выходит, зевая, река…

Горит реклама!
Летят машины!
Каждый стремится
К своей вершине!..

… А в терпком тумане укрылись поля,
И в кудрях зеленых сопят тополя…

Растут мегасити!
Пухнут соблазны!
Успехи — в примеры!
Паденья — в проказы!..

… А где-то прощальная песнь журавлей
Разносится эхом средь голых ветвей…

Звонки! СМС!
Социальные сети!
Ура — прогрессу!
Все люди — соседи!..

… А в блеске мороза красуется ель,
А в танце снежинок запела метель,
А месяц на небе светильник зажёг,
А звёзд хоровод рядом дырок нажёг,
А в поле застряла сугробов орда…

Так было, так есть и так будет всегда.

* * *

Просы́палась соль из небесного ситца...
Ах, что-то должно очень скоро случиться!

И пух серебрится на свечках берёз,
И мир веселится под рокот колёс.

Бежит за окном деревень вереница,
Вагоны качают лучистые лица.

Скорей на вокзал, а потом сквозь мороз
Добраться до дома из сказочных грёз!

И скрипнет под шагом твоим половица…
Ах, что-то должно очень скоро случиться!

ЗАПЛЯСАЛИ МЫСЛИ…

Заплясали мысли, раздвоился взгляд,
С вечеринки к дому я прогулке рад.

Вдвое стало больше вдоль дорог огней
И улыбок вдвое больше у людей.

Вдвое стали ярче в небе две луны,
Зажигая в сердце сразу две весны.

Разгулялся вдвое легкий ветерок
И летит со мною, как хмельной дружок.

Шелестят деревья вдвое веселей,
Брызгая тенями раза в два смелей.

Знаю, завтра будет вдвое всё грустней,
Вчетверо печальней, вшестеро бледней.

Это будет завтра, а сегодня путь
Удлинился вдвое и дрожит чуть-чуть.

И ступает скромно мой нетвёрдый шаг,
И душа беззлобно шепчет: «Ой, дурак!»

ПОЛУНОЧНАЯ РОСА

Зазвенела комарами
Полуночная роса,
Месяц острыми рогами
Протыкает небеса.

Мотылёк крылом качает
Бесконечный Млечный Путь,
Ель туманы собирает,
Чтобы тихо в них уснуть.

Звёзды дружно окунулись
В камышом заросший пруд,
Оглянулись, улыбнулись
И пожить решили тут.

Лягушонок распевает
Незатейливый мотив,
А сверчок ему внимает,
Скрипкой эхо подхватив.

Ночь прекрасна, ночь дурманит,
Ночь легка и хороша,
И на сердце след оставит
Бесшуршаньем камыша.

БЕЗУМНОЕ ЛЕТО

Закончилось лето, безумное лето!
И зори уже не бушуют в рассветах.
И листья забыли, слетаясь в букеты,
Безумное лето, волшебное лето.

А помнишь, как грозы в своих пируэтах
Про нас сочиняли шальные куплеты?
Не раз вспоминали с тобою об этом
В волшебное лето, изящное лето.

Молва рисовала порою портреты,
В которых мы полностью были раздеты.
На зависть махнули совместно, дуэтом —
Ведь было изящное, стройное лето.

Озёра сияли, пылали кометы,
Повсюду рождая для нас амулеты.
От бед ограждало таинственным светом
Прекрасное, стройное, дивное лето!

День ночью меняя, вращалась планета.
Надвинулась осень, остыли предметы.
И все говорили: «Закончилось лето»,
О зорях мечтая в озябших рассветах.

Давай же, родная, оставим секретом,
Как мы сохранили безумие это,
И в серую осень, забыв про запреты,
Пусть так же сияет нам дивное лето.

* * *

Этой ночью случилась беда,
В ней пожар полыхал до рассвета.
Устоять не смогли города
В ярком пламени знойного лета.

Этой ночью случился потоп,
Затонули уснувшие страны.
Волны, часто срываясь в галоп,
Были мощны, обильны и пьяны.

Этой ночью в преддверьи зари
Появлялись леса и поляны.
Новой жизнью они расцвели,
Терпким запахом крася бурьяны.

Этой ночью в объятьях с тобой
Я горел, утопал, возрождался.
И, родная, столь ранней порой
Мир прошу, чтобы чаще менялся.

* * *

Незадёрнутые шторы,
Неразложенный диван,
Неостывшие просторы,
Недоваренный казан.

Не дописана картина
Несложившейся весны,
Не веселье, не кручина,
Не ласканье тишины.

Много «не» ты подарила,
Покидая этот дом…
С ними, кстати, очень мило,
Лучше, чем с тобой вдвоём.

РАННЯЯ ГРОЗА

Капнула из облака первая слеза,
Грянула над городом ранняя гроза.

Заскулил отчаянно в подворотне пёс,
Получил нечаянно капелькою в нос.

Веером рассеялась по земле роса,
Изогнулась молнией света полоса.

С грохотом просыпался ледяной овёс
Яркими иголками посреди берёз.

Заплетались дождиком в миллионы кос
Ароматы зелени лиственных волос…

* * *

На свете где-то есть земля,
Где ясный день и солнце вечно,
Где изумрудные поля
Даль превращают в бесконечность.

Где тихо плещется краса
Извилистой и теплой речки,
Где лес пронзает небеса,
Где всё легко и всё беспечно.

МЕТАМОРФОЗЫ

Липкий, холодный дождь покорял пространство. Капли вырывались из тяжёлых туч, вонзались в золотистую листву, заставляя её ржаветь на глазах. Дождь стремился вниз, барабанил по крышам автомобилей, хлестал по сгорбленным человеческим фигурам. И падал на землю. И земля захлёбывалась от потоков ледяной воды.

А ещё был ветер. Злорадный, хищный ветер. Ветер гнул деревья, стараясь унизить их как можно больнее, срывал с беззащитных тонких веток листву-одежду и вдавливал в земную грязь. И деревья дрожали от холода и страха…

Он ехал и ненавидел всех и всё его окружающее — от самовлюблённых и истеричных коллег по работе до шумного соседа за стеной своей квартиры, от загубленного за сегодня времени до всего безумия, творящегося за окном... Ему ещё не скоро выходить. Ещё около часа он будет отгорожен от мрачного мира тонкой, искусственной скорлупой автобуса. Надо попробовать немного успокоиться. Надо закрыть глаза и расслабиться… забыться хотя бы чуть-чуть… хотя бы ненадолго…

Он вздрогнул от звука раскрывающихся дверей автобуса. Открыл глаза и тут же зажмурился, ослеплённый нестерпимо ярким солнцем. Он давно уже проехал свою остановку. Выскочил на улицу. Двери закрылись, и, фыркнув на прощание, автобус медленно, словно гусыня, слегка покачиваясь, тронулся в свой дальнейший путь. Вскоре автобус вместе со звуками скрылся за поворотом.

Тишина. И лишь одинокая капля прошелестела сквозь ярко-рыжую листву, заискрилась в лучах волнительного

света и с хрустальным звоном раскололась об отражение неба под ногами. По поверхности лужи пронеслась весёлая рябь.

Это случилось возле парка. Спешить куда-нибудь уже не имело смысла. Безмятежность и спокойствие древесных исполинов, пронзающих ветвями звенящую тишь, заманили его в парк.

Он шёл по свежей, умытой дорожке. Думать не хотелось ни о чём. Чистый прозрачный воздух пьянил и дурманил. Золотистые солнечные лучи скользили тёплыми лапками по коже, оседали в волосах, пробирались сквозь одежду. Он шёл, позабыв про всё на свете…

И тут он увидел её. Разглядел полуулыбку, задумчивый взгляд, услышал тихий шаг, разносившийся лёгким эхом сквозь буйство осенних красок. Он и она долго ещё шли по двум соседним дорожкам, направляясь в одну и ту же сторону — в сторону солнца. И, наконец, дорожки встретились. Встретились, чтобы уничтожить расстояние между людьми.

Через несколько минут они уже разговаривали друг с другом, как будто были знакомы уже тысячу лет. Она рассказала, что приехала в этот город на переговоры по делам компании. Что дома ждет её семья — муж и дети. Но переговоры сорвались, а рейс задержали из-за нелётной погоды. Что самолёт унесёт её домой теперь лишь только поздним вечером. А в парке? А в парке она оказалась случайно.

Он рассказал ей о себе. И в рассказе всё плохое как-то перестало быть плохим. И день постепенно переставал

казаться загубленным и мрачным. И он чувствовал всем сердцем, всей душой, что и с ней происходит нечто подобное. Они просто шли и болтали. И её сияющий взгляд обжигал ничуть не меньше пленительного солнца.

Они гуляли. А вдоль дорожек, как на параде, вытянулись почётным караулом величавые деревья в сияющих, огненных нарядах. Под ногами золочёным ковром расстилалась листва. И с каждым её взглядом, каждым её словом мир становился для него всё прекрасней и прекрасней. И замерло, казалось, время…

Но это лишь казалось. Через час они вышли из парка. Её поджидала машина.

Грустно взглянув на автомобиль, она произнесла:

— Мне пора…

— Я провожу тебя, — предложил он.

— Нет, не надо… — ответила она.

Её взгляд остановился на нём. Он смотрел ей в глаза и понимал, что не сможет забыть этот взгляд никогда...

— Прощай! — сказала она и села в автомобиль…

Прошла минута, две, а может и все десять. А он всё стоял и смотрел на осиротевшую дорогу, печальной полосой исчезающую за поворотом парка.

Он сел на скамейку и глянул вверх. А там… а там опять появились тучи. Солнце выполнило свою миссию и, как магнит, стало притягивать к себе небесную перину, чтобы укрыться, уснуть в её туманной неге.

Вскоре тучи закрыли собой небо. Упала первая капля. Скромно появился и запел над парком ветер. И чем смелее становилась песня, тем чаще и чаще летели слезы…

… Волшебный, дивный дождь покорял пространство. Капли вырывались из мягких туч, барабанили по золотистой листве, отлетая от неё с колокольным звоном. Дождь стремился вниз, стелился по крышам проплывающих редких автомобилей, сползал по окнам, смывая усталость и пыль со всего и повсюду. И дождь падал на землю. И весёлые, звонкие потоки воды понеслись по игривой земле.

А ещё был ветер. Бодрящий, свежий ветер. Деревья проверяли себя на прочность, изгибаясь под порывами ветра, срывали с тонких веток листву-одежду, делали из неё воздушные кораблики и запускали вдаль. И деревья дрожали от восторга…

… А он все сидел и сидел, открытый дождю и ветру. И звуки осеннего бала уносили его с собой. Ему хотелось петь, смеяться, веселиться и кричать. И лишь маленький горький комочек застрял у него где-то посередине груди. Дождь и ветер, ветер и дождь, и сладкое видение с волшебным голосом и взглядом, которые навсегда теперь остаются с ним.

Жизнь продолжается...

Наира Симонян

* * *

Звучит аккорд осенний с си минора,
Легла на сердце смутная печаль.
Бродяга-ветер треплет звуки хора,
Забрав с собой их в призрачную даль.
А у калитки куст рябины рдеет,
Пруд под дождём — расстроенный рояль.
И память о тебе в душе седеет...
Любовь моя, как выцветшая шаль.

РИМСКИЙ ПСАЛОМ

Я ходила, я молилась —
Сердце верило всему,
Удивленьем жизни билось,
Знать хотело — почему?

Я ходила, я молилась:
— Усмири души пожар!
Награди меня ответом,
Так зачем мне жизни дар?

Я ходила, я молилась
Сквозь блаженство и печаль.
Согласилась, усмирилась:
Всё беру, что Ты мне дал.

Рим в цветах и в песнопенье,
Как божественный венец!
— Дай мне волю к возрожденью!
Дай творить мне, мой Творец!

* * *

Дни улетают, словно птицы осенью,
Бежим неустанно, чтобы мечты ласкать…
Тайна жизни — за небесною просинью,
О тайне любви земной хочу рассказать.
О том, что однажды из тоски неуёмной
В облике родном открылась она,
Стёрла у меня все мазки тёмные,
Светом ярким облила навсегда.

НЕ ПРОЩАЙ

Ты меня не прощай, мой любимый, родной —
Арараты мои, как сироты — покинуты.
А душа от тоски стала словно чужой —
обескровленной... Небо моё опрокинуто.
Стало тёмно-багряным, как вечная боль.
Где его лучезарность? Где свет и бездонность?
Ты меня не прощай, мой любимый, доколь
Арараты мои, как юдоль и бездомность.

Не прощай мне, любимый, дышавшей тобой,
от любви захмелевшей, забвенья слепого.
Нынче, зрячая нищенка с ветхой сумой,
не просившая ранее кровно-святого —
чтобы ты, как хозяин всех дум моих, снов
удержал мою Землю — мои Арараты,
чтоб страну оберёг и мой солнечный кров.
Не прощай мне, любимый, столь горькой утраты.

Не прощай, что в источнике новой зари,
отразившись, как луч отражается в водах,
я, прозрев, ожила… но пусты алтари —
только слёзы потерь и ушедшие годы.
Как сегодня Тиграны лютуют во мне!
Как гневятся цари и взирают с укором!
Не прощай, что тебя, как защиту стране,
я отдать не смогла… но раскаялась вскоре.

Ты меня не прощай, мой любимый, родной —
Арараты мои, как сироты невинные.
Но я связана с ними, как люди с судьбой

Неразрывно и крепко — живой пуповиной.
Как же зваться могу я: «любовница», «женщина», «мать»?!
Ты не сможешь владеть моим сердцем — в нём боль, нет покоя.
И пока по Великой Армении кружится тать*
Ты меня не прощай, я прощенья не стою.

Вольный литературный перевод Любови Миляевой

МАМА

Мама, я твоя строка написанная,
Я — кристальная слеза твоя,
В мыслях твоих — дрожь неясная,
И молчат души колокола!

Мама, я твоя молитвенная просьба,
О страданиях твоих книга я.
Мама, родная, скажи мне, кто я?
Жизнь ответа мне не дала.

* Тать — вор, хищник, похититель, кто украл что-либо.

* * *

Я жизни путь под письменами скрыла —
Всё это выдумка, всё задом наперёд.
Беспамятство (хочу, чтоб всё забыла!) —
Вот та ступенька, что к Всевышнему ведёт.
К порогу, где очистит Он от скверны,
Отредактирует до белого листа
Меня и мир столь шаткий и неверный,
Что перепутаны все звуки и цвета.
Богоподобная (под сердцем мамы)
Имела правду я об истинности сна,
Совпала биосфера с самым-самым —
С чертогом Господа, где вечная весна.
А письмена (хочу, чтоб не винили)
Лишь для того, чтоб вы припомнили о том,
Что жизнь моя мазками кошенили
И ваш когда-то освятила щедро дом.

Перевод с армянского П. Черкашина

Я НЕ ПРИНЦЕССА ЖИЗНИ

Я не принцесса жизни, ну и что же,
В наследстве нет ни злата, ни дворцов,
Отец и мать, в любви взойдя на ложе,
Мне подарили тело, душу, кров.
Я на балах и в замках не бываю.
К чему? Чтобы царям судить о том,
Что я боса? О планах забываю,
Их просто нет. Ни раньше, ни потом.
Вот тапочки родные у порога —
Смогу из сотен пар легко узнать,
Настолько же любовь моя глубока
К тому, кто любит горько целовать.
Кто этот принц? — Мой век во всех обличьях,
Он любит быть хозяином всего,
То пьян и похотлив до неприличья,
То снова будто не было его,
И мне опять по морю плыть страданий.
Я не принцесса жизни, ни коня,
И ни кареты… Пеший путь скитаний
Туда, куда душа влечёт меня.

Перевод с армянского П. Черкашина

* * *

Громада сомнений в душе у меня —
Но я улыбаюсь в ответ.
Глазам ты моим, ах, доверился зря,
В них правды ни капельки нет.
Но в час, когда ветер хоронит лазурь
За туч беспросветных хребты,
Тебя укрываю надёжно от бурь
Плащом. Удивляешься ты…

Перевод с армянского П. Черкашина

* * *

Вот парадокс: я, как эфир — прозрачна,
Но в то же время сущностью своей
Загадочна, сложна и многозначна.
Достигну ли заветных я дверей
Сокровищницы собственной Вселенной?
Кто я сама? И кто он, что во мне?
Послушный раб? Правитель дерзновенный?
А может, он подобен сатане?
В дремоте угасают мыслей дали,
Года легли морщинами на лбу,
Душа моя исполнена печали,
Дней круговерть мотается в судьбу.
Мелькают дни — цветные нити шёлка,
Я их пряду — растёт веретено
Самопознанья. Пусть безумно долго,
Но только так мне к Богу суждено.

Перевод с армянского П. Черкашина

* * *

Прости меня, милая осень, прости
За листьев твоих опадающих желть.
Как ярок был Мир! Только вновь не цвести
Тому, кто почувствовал скорую смерть.
Прости меня, милая осень, прости
За слёзы обильные с мрачных небес.
Пропали улыбки, и не обрести
Повторно их свет. Жизнь скупа до чудес.
Прости меня, милая осень, прости
За пустопорожние хладные дни.
Светил во Вселенной — что в Божьей горсти,
Их вечен костёр, но не греют они…
Одною судьбой мы теперь сплетены,
Ах, осень, одно у нас небо и твердь.
А дни, что остались, увы, не длинны,
И рядом идёт неподкупная смерть.

Перевод с армянского П. Черкашина

Маргарита Сладкова

НЕБЕСНЫЕ ЗНАКИ

Они сегодня снова белой крупкой
ниспадают,
то оседают, то облетают плотности,
потоки,
и в плавном, чуть замедленном движеньи
оставляют
хрустальный бисер, в перекрестьях нитей
создающий строки.
Игривой манной проникают
в сердце, разум.
И облачаются в меня,
мои слова
и фразы.

ПЕСОЧНЫЕ СКУЛЬПТУРЫ

1.

Оплывают беззвучно. Жизни жар их не греет.
Собрав воедино — подразнит, развеет…
Пропадают зыбуче и себе не подвластны
ни простые, ни лучшие — шевелиться опасно:
осыпается временем без причастия — чудо.
Не успел, не поверил — … песка груда…

2.

Удерживая неожиданную целостность песка
восставшей плотью обожжённой в прошлом глины,
взрываясь мыслью, поддаваясь натиску творца —
освобождаются от притяжения пустот и пуповины:

рождаются! Но солнце и вода им больше не нужны,
достаточно им незнакомой клейкой декорации.
И к всплеску сил создателя теперь они должны
прийти, и к принятому образу добавить мотивации…

И в новый круг идей войдя, простых и сложных —
себя увидеть настоящих изумлённым прошлым…

DELICACY

Я просто спроси*л*а…
Ты просто ответи*л*…
Никто почти ничего не замети*л*…
Я просто узна*л*а…
Ты просто не прята*л*…
Никто над разбитым стек*л*ом не запла*к*а*л*…
Я просто забы*л*а…
Ты просто помог мне…
Стоим под дождем, оба промо*к*ли…
Напоены в*л*агой
Умытые мы*с*ли:
«Спасибо за всё»… Что? Это? Это брызги…

БЕСКОНЕЧНОЕ

Со мной неразлучно
Моё закадычное.
Приходит беззвучно.
Мы такие обычные.

В этом мире привычно,
И, достаточно частое,
Проявляется лично —
Одиночество властное.

И такое же верное.
И такое же — ладное.
И такое безмерное.
И такое отрадное.

Но, бывает коварное,
И бывает беспутное,
И бывает бездарное
И, какое-то смутное.

А бывает настырное,
И бывает развязное,
И бывает несносное
И тогда — безобразное.

Телефоном гудящее,
Как тоска — безучастное,
Без ответа звенящее,
Как лавина — опасное.

И, бывает — могучее,
Иногда — безоглядное,
Истеричноревучее
И жестокороманное.

Как равнина — бескрайнее,
Как пустыня — зыбучее,
Как гроза непроглядное
И, как злоба — колючее.

Как века — эпохальное,
Как душа — многозначное,
Очень многострадальное,
Неприлично-прозрачное.

И, как ма́ксима — ёмкое,
Как судьба — величайшее,
Оловянное, стойкое,
Как любовь — настоящее.

Как любовь — отрешённое,
Как любовь — неуёмное,
Как любовь — раскалённое,
Как любовь — безусловное.

Как столпы — неизменное,
Как Отец — бескорыстное,
Как просторы вселенные —
Бесконечное.

То святое, то злачное,
То копьё, то лучистое,

То как лёд, то горячее,
То чудовищно близкое.

То, как ива — плакучее,
То, как дуб — величавое.

Что, надейся на лучшее?
На какое?! Не знаю я…

ВЕЧЕРНЯЯ МЕТЕЛЬ

Хлопья воспоминаний…
Или лёгкие перышки с крыльев,
то удаленных, то возрождённых идей и полётов?

Кружение ожиданий…
Или вихри желаний не названных
бьют по беспечной мишени, как из пулемётов?

Ватой сахарной…
Или снегом присыпана яркость событий
ушедших, не случившихся и происходящих сегодня?

Звон цепи якорной…
Или, всё же, по собственной воле
принята и, как должное, исполнена Воля Господня?

БЕЛАЯ СКАЗКА О КРИСТАЛЛИКЕ

Занесенный космическим ветром,
не имея других равных шансов,
приземлился Кристаллик пыли и
уснул на века под Луной.
И проспал бы еще миллионы
бесконечных космических всплесков,
и не знал бы другого покоя —
только сны медитаций богов…
Но вонзившийся лазерным взглядом
луч звезды, пролетавшей над миром,
всколыхнул беспокойные воды
предначальных бездушных времен,
прочертил, прописал и нарушил
всё уснувшее совершенство,
и взбурлил океан переплавкой
твердокаменных древних основ…
И Кристаллик оплодотворился
пылью взрыва звезды неизвестной,
и на гранях его отразились
от неведомых плазменных лет
отпечатки всех прожитых жизней
неизвестных и новых созвездий,
заиграли… и в грозди Кристалла
обозначилась новая жизнь…

КАК СОЗДАТЕЛЬ

Как Создатель рождаешь-лепишь своё творение,
на круге гончарном изменчивостью форм играешь…
Меняешь мысли, слова, движения, видения —
воображением их по-новому соединяешь…
И, создав новый замысел и последовательность,
предположение переносишь на живое тело
и руками разглаживаешь, растягиваешь
то, что мысль не доделала, не усмотрела…
А скульптурный молоточек уже вибрирует
в предвкушении самозабвенной работы
и, отсекая всё лишнее, отслужившее,
показывает тебе — кто ты…

НИ ПРОЗА, НИ ПОЭЗИЯ, НО СЛОВО

Ни проза, ни поэзия, но Слово
слетает с неба снегом, падает листвой,
журчит потоком вод, и словно
питает мысли ветром, солнцем и луной…

Ни проза, ни поэзия, но Слово
нас вдохновит и успокоит, и подчас,
на белом блюде с «золотою пробой»
подаст живой и ароматный Спас…

Ни проза, ни поэзия, но Слово
должно звучать не брошенным вослед,
а благодатно, искренне, исконно,
чтоб без тревоги ждать его в ответ…

Ни проза, ни поэзия, но Слово
покой подарит, силой напоит,
поднимет — показать, что в жизни ново,
Спасёт тебя. И Сохранит.

СКВОЗЬ ШУМ ВЗБИВАНИЯ

Сквозь шум взбивания в тугую пену
ленты берега с волной
и скрежет листьев пальм,
и голосов ленивую невнятность
пытаюсь дошептаться до глубин,
где вод подземных вой,
где превращается в действительность —
невероятность.
Ты иногда мне отвечаешь
струёй афористической, живой.

Под скрип прожаренных, мерцающих
павлинозвёздно бликов
географически невидимых,
никем необозначенных штрихов,
растет на теле,
растворённом во вселенной,
соль двулико.
Ступени кристаллически ползут из слов
нечитанных стихов
шагами океана, — то взрывной волной,
то снова безъязыко.

И мир, разбушевавшейся стихией вод
восстал, как божество —
набросился, проник
и овладел внимательно и оживлённо,
как будто дал себя, и стала я:
из двух в одно соединённым существом,

чтоб видеть суть вещей
и принимать неистово и удивлённо.
И вижу. И лечу, с тобой обнявшись,
жарким, звёздным веществом.

Настроен камертоном пульс двоих
на ритмы тве́рдей и светила.
Величия немыми голосами спеты
предисловий фуги и путей сонаты.
И с ангелоподобным свистосмехом
избранных земли стрела пронзила,
И Человек сместился вместе с миром
со своей оси — запреты сняты.
Но за такой презент вне времени
пыльца небес виски посеребрила…

ЛИСА-НЕБЕСА

Памяти Михаила Долгополова

«Идём в рассвет» промелькнуло торжественной мыслью-командой и забытым восторгом — нечасто приходится наблюдать такое яркое, как вспышка, явление солнца из-за горизонта. Сегодня это было вроде памятного подарка в последний выход на реку в этом сезоне. Переход в рассвет произошел волшебно быстро: только-только стальное, серо-голубое молоко сонной воды кораллово забликовало — а уже апельсиновый шквал света!

Следующее «идём в рассвет» прозвучало явно. Тостом. Да, с утра… Но это лучше, чем замерзать при трёх градусах мороза… Потом почти обнялась с газовой печкой и, по возможности уютнее, устроилась на заднем «диванчике» лодки. Жизненно необходимые инструменты: блокнот, ручка и подогретая мысль — в боеготовности. Но отвлекли — пошли разговоры. Для дискуссий годилось всё подряд обо всём на свете! Вот они, чистые эмоции.

И вот они же, чистейшие — захватили нас… первой рыбой! То есть рыбкой, скорее рыбёшкой, или даже рыбулечкой, короче — вчерашним головастиком… То, что вытащила спиннингом с тройным крючком на трехкилограммовую щуку Надежда, в далеком будущем называлось бы «ёрш». Такую «композицию» не сфотографировать было нельзя! И кто бы мог подумать, что прозрачное на солнце «это», станет выкручиваться и выгибаться, как профессиональная рыба. А дальше — пошло-поехало! Казалось, что день дарит букет лучших из возможных в дан-

ное время ощущений, будто компенсируя недоданное за время короткого, не слишком-то щедрого на солнечную погоду, лета. Он звенел ломаным прозрачным стеклом змейки берега, играл светом в подтаявшей утренней изморози на ещё яркой зелени, смешно похрустывал подмороженным песком… Мы все отчаянно, как и положено в закрытие сезона, рыбачили, ели, пили, спали, медитировали, даже бегали по нехоженым берегам, оставляя следы…

Но, что такое? Как будто всё вокруг чуть всколыхнулось и изменилось. Стал другим ритм волн, ветра, а может моего дыхания?

Следующие строки были явно другого духо-веяния и определнённо — не для меня…

«Когда ты уснула на заднем сидении лодки, я к тебе подлетел ближе. Покружил тихо рядом, огладил крылом. «Включил» над тобой поярче солнце, и в его лучах, как в оживляющей пирамиде, ты отдыхала… оживала...

Я знал, что меня заметили, но ей можно: сегодня я был узнан задолго до появления вблизи. Мехом капюшона я держал твоё лицо в своих ладонях, дрожанием реки соединялся с биением твоего сердца, плеском волн о берега исхоженного вдоль-и-поперёк любимого Тром-агана шептал тебе «всякое-разное» — в ответ ты смешно сопела, а я просто радовался…

И теперь порадую первой щукой — тебя. Хочу услышать удивление, восторг и искупаться в твоем азарте. А тот, двухсантиметровый ёршик, скорее малёк — это так, шутка на все будущие рыбалки (которую, к слову, могла оценить

«на все сто» только ты, похожее уже было, помнишь?..) Но сначала хочу принять «писярик». А ты подумала, что разлила стопарь?! Эх ты, Лиса-небеса…

Уха ваша получилась необыкновенная! Я-то в курсе всех тайных приёмчиков готовки. И спасибо за самый лучший кусок щуки — я видел, что не все наелись, но по негласному согласию оставили его, а Андрей сказал: «Пусть останется лисичке». И ты вдруг произнесла моё имя…

Ты спросила у неё: «Что ты там пишешь?» Она ответила с улыбкой после паузы «Да…», не произнеся остальное: «Да, ты угадала, это для тебя». И ты замурлыкала, как всегда ни в ритм, ни в ноту — я не понял, что, и заскрипела застоявшимся без рыбалок спиннингом».

Оставалось «всего-ничего» — главное. Передать послание. Но как? После недолгих размышлений появилась уверенность, что это должно произойти под открытым небом. И вот — встреча с Надей. Мы начали читать, укрывшись от дождя и ветра за ближайший угол. Но, уже притихший ливень своей косиной достал нас, и лист бумаги, напившись воды небес, ожил. Он дышал и плакал.

Дождь и добавлял, и смывал слёзы.

ЦВЕТОК ВРЕМЕНИ

Новелла-виде́ние

ОТ НАЧАЛА ВСЕХ ВРЕМЕН,

во всём многообразии соцветий, созвучий и тиши живут, благоухают и таятся они — Он и Она. Они вместе, но каждый со своим отдельным миром: своими великими задачами, своим окружением, своими интересами — две непостижимые друг другом вселенные. Ведь это — Он и Она! А потому и случаются настоящие испытания от непонимания другого и попыток «достучаться». Ведь как хочется быть услышанными и получить в ответ признание своей правоты!

ВРЕМЯ ОТ ВРЕМЕНИ

Она горячо требует: «Мне нужно с тобой серьёзно поговорить о нас, о наших отношениях! Да, мы это уже обсуждали. А я хочу ещё… мне надо понять, почему ты именно так думаешь. Так что не молчи! Мне нужен диалог! Для меня это важно! Давай же, говори и убеждай меня в чём-нибудь! Все знают, что истина рождается в споре, и я хочу… спора… Потому что только я знаю истину и хочу тебе её доказать! А уж это я умею, и очень красиво, я же — женщина…»

Но в ответ — только уверенность в своей правде и невозмутимость… Не удается ей склонить его к выяснениям. И тогда она делает то, что умеет делать только женщина — рождает, но то, чего — нет! Чему нет

ни пространства, ни времени, ни символа, ни имени — тяжелое молчание… Это не пауза, не терпеливое ожидание времени своего слова. Это бездна… Бездна непонимания других и собственного предназначения. Бездна эгоизма, подсознательно наполненного страхом быть познанным — ведь придется всё! Всё менять! Потому что с познающих себя и спрос другой…

А ТЕМ ВРЕМЕНЕМ,

такое заурядное, как скверная привычка, тяжёлое молчание, обрастая собой, как «снежным комом», набирает объем и массу. А следом набирает и силу неведомую, которая выделывает невесть что… Об этом люди говорят: «Прости их, Господи. Не ведают, что творят!»

ИДУТ И ПРОХОДЯТ ВРЕМЕНА.

Всё вокруг оказывается в тумане непонимания, который становится всё более мрачным, и уже нет ни намёка на свет и благоразумие.

НО ВРЕМЯ ВСЕГДА ЕСТЬ.

А значит, есть и надежда на лучшее! И есть — Они. И вместе — они имеют силу бóльшую, чем простое сложение сил каждого. И могут многое, о чём пока даже не догадываются. А сила эта в балансировании на натянутой струне при взаимодействии противоположностей, не только мужского и женского начал, а и прошлого и будущего, между активной жизнью в обществе и духовным поиском, углублённым, напряжённым изучением чего-либо и полё-

том фантазии при этом, между работой с полной отдачей и разнообразным, своевременным отдыхом, между знанием и применением в жизни того, о чём знаешь.
А главное, в добровольном и лёгком отстранении от найденного, устоявшегося и ставшего привычным равновесия и нахождении его снова, но в ранее не известных выражениях и образцах.

Но только во взаимном усилии, поиске и обновлении, ею — Золотой Середины, а им — Центра Равновесия, сила раскрывается, объединяет его и её, освобождает их высшие «Я» и создает жизнь в свете и радости... На том стои́т и будет стоять мир наш. А по-другому никто и ничто Быть не может.

ТОГДА РАСЦВЕТАЮТ НОВЫЕ ВРЕМЕНА.

Он и Она уже не просто вместе, а соединившись Золотым Плетением в одно излучающее сердце — едины! Едины, как белый Цвет, вмещающий всю палитру красок и звуков; как простой чистый Свет, дающий Жизнь, но которого мы не замечаем без его отсутствия, без ночи; как Радость, существующая только в связи с противоположными и всеми возможными человеческими чувствами.

И пребывая хоть миг в них, временах обновленных, оказавшись подобными Ей и Ему преображёнными — ты никогда не забудешь этих сказочно наполненных любовью земных мгновений вечности. Они, словно драгоценный кристалл, огранённый великим мастером, дарят всем, без исключения — радужные искры, блеск, игру света и неописуемое, волшебное сияние, вызывающее трепет и восторг.

И снова, и снова ты будешь искать такие мгновения.

Или создавать…

Легко **говорить…**

Как это **делать?**

Сергей Сметанин

ЛЮБОВЬ К ЮГРЕ

Жизни вдохновенные приметы
Ты душой впитала на века.
Даже на другом краю планеты
Мне Югра ничуть не далека.
А моя печаль несокрушима:
Я забыть до гроба не смогу
Золотой багульник Когалыма,
Мегиона гордую тайгу.
Шум автомобильного Сургута,
Новый нижневартовский вокзал,
То, о чём доселе почему-то
Всей земной любви не рассказал.
Вдоль Оби мечта моя кружится,
За летящей уткою вослед.
Где она привольно приютится?
Дай ты мне, Югория, ответ!
Может, у холмов Ханты-Мансийска,
У нефтеюганской буровой?
Жаль мне, жаль, что я сейчас не близко
Заболел тоскою мировой...

ВОДИТЕЛЬСКОЕ

Утро чело деловито нахмурило.
Рвутся Камазы по трассе вперед.
Сколько нас, братцы, вчера балагурило?
Сколько нас нынче недостает?

Где-то удача растаяла гладкая…
Знать, как и прежде она впереди —
Жизнь наша долгая, жизнь наша краткая —
Несовершенная, как ни крути.

ЭЛЕГИЯ

Стою на верху заводской эстакады.
Вдали предо мною — Солохинский мост*.
И столько простора — другого не надо!
И столько же в небе рассыпано звезд!

Смотрю на тайгу, и душа замирает.
И мыслю о том, как живу и умру,
О том, как вселенная тихо вздыхает,
О том, как снежинки летят на ветру.

* Солохинский мост — Югорский мост через Обь у Сургута

НА ВАХЕ

В хантыйской притихшей деревне
Столетние кедры не спят.
На празднике обласа* древнем
Встречаем июльский закат.

И музыка ширится трубно,
Как будто на славу и суд
Под звуки шаманского бубна
Здесь духов из бездны зовут.

Беседуем, волю вдыхая —
Пытаемся что-то понять
Из песни брусничного края,
Что льётся опять и опять.

А песня пророчит уныло,
Что правда бредет наугад,
И всё на земле уже было,
Не тысячелетья ль назад?

У речки журчащей, где блики
Летят на веселия зов,
Не те же ли вечности лики
Сквозят из прибрежных кустов?

И ночью над заводью чёрной
Всё та же гудит мошкара.
Ах, как она вьётся проворно!
Как рвётся на пламя костра!

На празднике обласа древнем
Истаял июльский закат.
И долго в притихшей деревне
Столетние кедры не спят.

* Облас — сибирская гребная лодка-долбленка у народов ханты, манси.

* День обласа — праздник, проводимый в Югре

* * *

На Сайме, среди кедров темноликих,
Дрожат клочки небесной синевы.
Малиновки взволнованные клики
Пронзили бор чуть выше головы.

Трепещет воробьишка за сараем.
Как ни круты сугробы вдалеке —
Проталины привольно дышат маем,
Веснушками на девичьей щеке.

Мне вспомнилось на миг родное детство:
Приход весны я празднично встречал,
Степных небес приветствовал соседство,
И солнца ход на парте отмечал.

Я не забыл ни сверстников галденье
Перед игрою в прятки да лапту,
Ни девочку, чье имя… Загляденье…
Я не забыл простую красоту.

Я не забыл ни садика с цветами,
Ни писем, что тобою сожжены...
Лишь два часа полёта между нами —
Две жизни, два признанья, две вины.

Не возвратить… А, знаешь, и не надо.
Былого нет… Поблекнут краски дня.
Но будет вечно в прятки возле сада
Играть весной другая ребятня.

Я рад тому, что мир материален,
И, уходя, с собой не заберу
Ни темноликих кедров, ни проталин,
Ни птицу, прозвеневшую в бору.

ВЕСЕННЯЯ МИНУТА

Что за нрав у северянок —
Этих вьюжиц и ветриц!
Удивляют спозаранок,
Машут крыльями ресниц.

Снег — на шубке, снег — на шапке,
Снег — на чьих-то волосах.
На девчонке и на бабке,
У торговца на усах.

На щеке снежинка тает,
За машиною пылит.
Жизнь ничуть не утихает —
Воздымает и бурлит.

В этой сутеми* и смуте,
И в раздрае скоростей
Не хочу терять я сути
Самой солнечной своей.

* Сутемь — сумрак, полумрак.

ШОФЕР

Памяти Бориса Васильевича Гусева

В автомобиле, как влитой,
Одетый строго по погоде.
Шофёр «от бога» — робок, вроде,
Перед дорожной суетой.

Переплетенья магистрали
Да светофорный окоём...
О, сколько раз одолевали
Вы человека за рулём!

А сколько раз во днях труда
Он рисковал и ставил на кон
Судьбу свою под Зодиаком,
Но грела добрая звезда.

И снова байки про мороз
Напарник впаривал жестокий,
И вьюга преданно, как пёс,
Ему облизывала щёки.

СНЕГОПАД

С утра мело широкими кругами,
А на рассвете падал наугад,
Пространство размечая между нами,
Душа зимы российской — снегопад.

И город перед нашими глазами
Раскинул феерический наряд
С верандами, качелями, шатрами...
И сказке вслед прохожие глядят.

Прошёл с лопатой грузный Дед Мороз.
Корявый лист от клена прокатился,
Продрогший и волнующий до слёз.

Густеет снег. Плотнее повалился
На рыхлые громады тополей
С каркасами старинных кораблей.

Невозмутимый, вечный снегопад
Вали́т, вали́т растущими кругами!
Под нашими неспешными шагами
Тропою комья белые скрипят.

ИЮЛЬ В СУРГУТЕ

Толпа бетонно-серых туч прогромыхала где-то,
Раскаты дальние грозы уехали за ней.
Синицей тоненько звенит распахнутое лето,
Роняя капли бирюзы с рябиновых ветвей.

И возрождённые мечты рукою торопливой
Рисуют радугу — цветной надежды каравай.
А я по Майской прохожу, продрогший и счастливый,
Как двадцать лет тому назад, влюбленный в этот край.

БЕЗ ГРЕШНОЙ ПРОЗЫ

Я по Сургуту не скучаю,
Я без Сургута не живу:
Оттуда письма получаю
И вижу будто наяву.

Во мне живут его кварталы,
Проспекты, улицы, балки́*,
Автомобили и вокзалы,
Поэты, дети, старики.

Я вдоль по Ленина гуляю,
И по Островского брожу,
Зимой дрожу и замерзаю,
А летом гоголем гляжу!

Мне по душе метель-морозы,
Туманы, дождик и жара,
Я в нём не вижу грешной прозы,
Хотя давно уже пора.

Мой дух по-прежнему крамолен,
Любовь сильнее, чем расчёт.
Я нефтяной горячкой болен
Доперестроечной ещё.

И никому не обещаю
Склонить покорную главу.
Я по Сургуту не скучаю,
Я без Сургута — не живу!

* Балки — самостроеные домики из горбыля и рубероида.

Никон Сочихин

* * *

Посвящается «Северному огоньку»

Мы обживали топи и болота.
Тайгу прошили нитками дорог.
Была о нефти главная забота,
Но для души недоставало что-то,
И Северный зажгли мы Огонёк.

И он горит. Горит — не отгорает.
Присели мы в кружок у огонька.
Он — невелик, но сердце согревает,
И места всем вокруг него хватает,
И свет его видать издалека.

* * *

Городок нефтяников
И буровиков —
Ты, как мальчик, тянешься
На цыпочках домов,
Чтоб тебя заметили,
Как явь, а не мечты,
Чтоб тебе ответили,
Как взрослому, на «ты».
Только не молчали бы,
Мол, парнишка слаб.
Только поручали бы
Важные дела.
Только бы поверили:
Парень он хорош.
Только бы доверили,
Ты не подведёшь.
Мы тебя увидели,
Мы к тебе пришли,
Чтобы стал ты витязем
Нефтяной земли,
Чтобы зори новые
Встали над тайгой,
Чтоб сдружилась молодость
Навсегда с тобой.

* * *

Мы не зря привыкли называться
Именами наших городов.
Слушать я, как музыку, готов:
Москвичи. Смоляне. Красноярцы.

Каждого в какой-то город тянет,
Назовут — и сердце застучит.
Ну, а я вот просто сургутянин.
Сургутянин. Разве не звучит?

Пусть не так. Пускай не очень громко
О себе наш город говорит.
У Оби, почти у самой кромки,
Заглядевшись в дали, он стоит.

Видит он: среди таёжной хмари,
Как в безбрежье на волнах крутых,
Покачнулись мачты буровых,
Где матросы — мировые парни.

Не впервой мне с ними быть в походе.
Нелегко даются нефть и газ,
Ведь не зря по всей стране о нас
Добрым словом говорят в народе.

А народ, он прав, сказал и — баста!
Тут уж не прибавишь, не отнимешь.
«Сургутянин» мне теперь — как паспорт,
Как рабочее моё второе имя.

* * *

Сибиряк по рождению, русоволос,
Чем немало всегда дорожил,
Средь болот васюганских мальчишкой я рос,
На Камчатке солдатом служил.

Мне студенческих лет не забыть никогда —
Этот праздник извечно в груди.
Было каждому в среднем по двадцать тогда,
И у каждого всё впереди.

Я приобскую нефть знаю близко, в лицо,
Мы сроднились с ней наверняка,
Мне однажды она подсказала словцо —
И моя засияла строка.

Мне по нраву родная равнинная хмарь,
Но о многом душе говорит
Нить кораллов Курил и балтийский янтарь,
И уральских небес лазурит.

Это всё — моя Родина, отчий мой дом,
Где работаю я и живу.
И один уголок в этом доме большом
Я родною Сибирью зову.

ДОРОГИ НАШИХ ОТЦОВ

Дороги наших отцов
Определял военком
Перед сомкнутым строем, в лицо,
А не через родню шепотком.

Когда занимался день
На самом краю земли,
Винтовки взяв «на ремень»,
Они к эшелонам прошли.

Была первозданная тишь,
Как в сотворения дни.
И ранние дворники лишь
Подумали: «Бог их храни!»

Мой друг, на судьбу не греши.
И жизнь обвинять не спеши.
То были — что надо бойцы.
И стали б — что надо отцы.

Но дан был короткий приказ.
Была невозможной цена…
И Родина вспомнила нас,
И выбрала нам имена.

ЗДРАВСТВУЙ, МАМА!

Здравствуй, мама! Милая, здравствуй!
Дай прильнуть к твоему теплу.
Как приятно мне после странствий
Очутиться в родимом углу.

Пусть в пути поседел мой волос,
Вновь пройду, ни о чём не скорбя,
Чтобы только услышать твой голос,
Чтобы только увидеть тебя.

И на миг замереть у порога,
Нажимая на кнопку звонка —
Как слышнеют шаги понемногу,
И как щёлкает ручка замка.

И, входя в эти скриплые двери,
Хлам обид не тащить за порог.
И, как в юности, снова поверить
Светлой верой в людей и добро.

СОМНЕНИЯ

У меня на сердце боль и смута
От сомнений разных и тревог,
Будто я чего-то и кому-то
Обещал. Поклялся. И не смог.

Будто я на слове побожился.
Имя чье-то веское привел.
Человек, наверно, положился
На меня. А я его подвел.

Вот хожу, и нету мне покоя,
От стыда поднять не в силах глаз.
А вокруг ведь люди, дядя Коля,
Что они подумают о нас?

«РИО-РИТА»

Наши мамы немного сердиты.
Папы хмурятся с фото чуток.
Над округой звенит «Рио-Рита»,
Созывая ребят на каток.

Отставляютя в сторону книжки —
Не до книжек, конечно, сейчас.
Мы сегодня всего лишь мальчишки…
Мамы, мамы, простите вы нас.

На ногах примитивные «дуты»,
Но зато на ботинках коньки.
Мы парим над катком — футы-нуты —
Хаотически, как мотыльки.

И девчонки соседские с нами,
И всё «ой»-то они, и всё — «ах!»
Мы у них мельтешим под ногами,
В намерении быть на глазах.

А у каждого «страшная» тайна,
А у каждой «ужасный» секрет,
Что весьма и весьма не случайно,
Если всем по четырнадать лет.

Как мы жили тогда, как любили,
Так не будет уже никогда.
Пусть потом нас навек позабыли,

Знали в жизни мы светлые были,
От того-то и помним всегда.

Наши мамы немного сердиты.
Папы хмурятся с фото чуток.
Над округой звенит «Рио-Рита»,
И ребята спешат на каток.

* * *

То не гуси прокричали
Сотоварищей в полёт,
То от берега отчалил
Последний теплоход.

Ах, уплыть с тобой и мне бы,
Мой хороший, добрый друг.
Белый-белый, словно лебедь,
Теплоход идёт на юг.

Закуражатся метели,
Лягут дымные снега,
В ледяной своей постели
До весны уснёт река.

Вскипятив под вечер чайник,
Чтоб не так хотелось спать,
Буду долгими ночами
Письма заново читать.

И в тайге, глухой, далёкой,
На озябшей буровой
Вдруг поверю я в те сроки,
В майский ливень проливной.

Солнце день замесит густо
На улыбках. Тронет лёд.
И опять вернутся гуси,
И причалит теплоход.

Алексей Томшин

* * *

Серебрится на реке лунная дорожка,
Всё сильнее давит грудь память о былом.
И уже не развернёт здесь меха гармошка,
Одиноким и пустым стал наш отчий дом.

Не услышать в темноте перебор баяна,
Мелодичный и лихой балалайки звон,
Чуть колышет ветерок заросли бурьяна,
И пугает пустотой тёмный свет окóн.

Здесь когда-то детский смех лился переливом,
И домашней птицы гвалт целый день звучал,
А сейчас от тишины грустно и тоскливо,
И с ленцою вóлны бьют о пустой причал.

* * *

Матери и жене

Я двоих, как прежде обнимаю,
И душой пред ними не кривлю,
Я одну безумно обожаю,
А другую всё ещё люблю.

Вы в судьбе моей — две белых птицы.
С вами то на север, то на юг.
Я одной не устаю гордиться,
А другая — самый близкий друг.

Стужа ли придёт, шальные ветры,
Жизнь распорядилась быть вдвоём.
В коже, замше, шубе или фетре —
В сердце вы останетесь моём.

С ДЕРЕВЬЕВ НЕВЕСОМО ПАДАЛ СНЕГ

С деревьев невесомо падал снег,
Как осенью листва с ветвей слетала.
Нам птицы щебетали о весне,
А ты в последний раз мне прошептала:

«Любимый мой, прощай,
За всё меня прости.
Другую повстречай
На жизненном пути.
Я больше не с тобой,
Всё тише сердца стук.
Осталась только боль
Моих душевных мук».

А неба высь покрыла россыпь звёзд.
Блестит вода в дрожащем лунном свете.
Когда наступит для меня черёд,
Одна из них последний путь осветит.

«Любимая, прощай,
За всё меня прости.
Другого повстречай
На жизненном пути.
Я больше не с тобой,
Всё тише сердца стук.
Осталась только боль
Моих душевных мук».

СВИДАНИЕ

Рисует ветер облаков узоры,
Сквозь них блестит бесстыжая луна.
Давай прикроем поплотнее шторы,
Чтоб лунный свет не падал из окна.

Не надо света даже лунной ночи,
Пусть будет в комнате и тихо, и темно,
А если ты озябнешь очень-очень,
Тебя согреет рук моих тепло.

Не говори, не нужно объяснений,
С тобой поймём друг друга мы без слов,
Прошу, доверься мне без опасений,
Друзей улыбок, шёпота врагов.

И эта ночь останется наградой
Тебе и мне на долгие года,
И всё же думать о плохом не надо,
Ты о хорошем вспоминай всегда.

Рисует ветер облаков узоры,
Сквозь них блестит бесстыжая луна.
Давай прикроем поплотнее шторы,
Чтоб лунный свет не падал из окна.

ГИТАРА

Когда беру за талию любимую свою,
Мелодии душевные играю и пою.
И только ты, родимая, одна меня поймёшь,
Как надо подыграешь, где надо подпоёшь.

Когда тоска-кручинушка тисками сдавит грудь,
Обнять её за талию покрепче не забудь.
И из груди простуженной с надрывом рвётся стон.
С тобой твоя подруженька рыдает в унисон.

Когда от счастья шалого не стыдно пред людьми,
Ты нежно так за талию любимую возьми.
И песня переборами польётся, словно трель,
Растает лёд, сойдут снега, и зазвенит капель.

В печали или радости — с тобой всегда она.
Ты прикоснёшься к талии, и зазвенит струна.
Фигуры нет прекраснее — как всё же хороша! —
А если музыка звучит, не старится душа.

* * *

Снова гуси с юга возвращаются.
Режет воздух птиц летящих клин.
Извините вы меня, пожалуйста,
Что встречаю вас сейчас один.

Птичий крик с небес звучит отчаянный,
Боль в груди становится сильней.
И стою я, словно неприкаянный,
Давит тяжкий груз прошедших дней.

Было время — шумная компания
Вас встречала, хрусталём звеня,
А сегодня пелена туманная
Тишиной окутала меня.

Вы меня поймёте, пёстрокрылые,
Клин ваш, вижу, тоже поредел.
Оттого и песнь звучит унылая,
Что не каждый с юга долетел.

Вы на север, гуси, улетаете.
Буду осень золотую ждать.
На крыло гусят своих поставите,
С внуками приду вас провожать.

Снова гуси с юга возвращаются.
Режет воздух птиц летящих клин.
Извините вы меня, пожалуйста,
Что встречаю вас сейчас один.

БЕРЕГА

В жизни так случается — станешь одинок:
Оторвёт от берега — понесёт поток.
Заметает прошлое снега́ серпантин,
У реки два берега, у любви — один.

И всё дальше берег тот, холодней вода.
И несёт меня поток, и летят года.
Разбегутся по лицу ниточки морщин,
У реки два берега, у любви — один.

Не прибиться к берегу, гордость не при чём:
Полоснула по судьбе жизнь своим мечом,
И упало на виски серебро седин,
У реки два берега, у любви — один.

Половинка на земле, половинка в ней,
Что была любимей всех, всех была милей.
Закурлычет в вышине журавлиный клин,
У реки два берега, у любви — один.

ОДУВАНЧИК

Однажды, позднею весной,
Рос одуванчик полевой.
Ромашка рядом расцвела,
Нежна, мила.

Её небесной красотой
Тот одуванчик полевой
Сражён был сразу наповал,
А ей сказал:

«На свете много есть цветов,
Но за тебя отдать готов
Всё, что имею, чем живу
И чем дышу.

В природе нет тебя милей
Среди полян, среди полей.
Твоих ресниц, жемчужный цвет,
Прекрасней нет».

В ответ ромашка прячет взгляд:
«Слова я не верну назад.
Я молода и сил полна,
Эх, старина!

На свете много есть цветов,
И за меня отдать готов
Росы́ предутренней глоток
Любой цветок».

И одуванчик загрустил,
Седую голову склонил,
А ветра друга попросил,
Чтоб подсобил:

«Ты парашютики семян
Развей, как сильный ураган,
И пусть все знают: нет сильней
Любви моей».

С тех пор весною там и тут
Лишь одуванчики цветут.
Нам дарят радость и тепло
Годам назло.

Не отрекайтесь от любви,
Пусть седина белит виски,
Ростками памяти она
Своей сильна.

ГАДКИЙ УТЕНОК

В одной из сказок, что почти с пелёнок,
Мне перед сном рассказывала мать,
В семье утиной странный рос утёнок,
Которого все «гадким» стали звать.

За то, что у него не та походка,
За то, что голос у него сипел.
И было утке с селезнем неловко,
Когда, как все, он крякать не хотел.

И у кормушки часто не хватало
Еды и места для того птенца.
И за других ему перепадало:
Щипкам, придиркам не было конца.

А в синем небе пролетала стая
Красивых, гордых, сильных лебедей.
Весь двор смотрел вслед птицам, замирая,
Птенец мечтал иметь таких друзей.

И вот однажды ночью звёздной, тёмной
Покинул птичий двор постылый свой,
На озере, на самом отдаленном,
Нашёл приют в пещере небольшой.

Всё лето жил один утёнок гадкий,
Но он мечту о небе не бросал.
И вечерами лунными украдкой
Он поднимался в небо и летал.

Узнал утёнок, в небесах летая,
И ширь лесов, и красоту полей,

Как трудно одному парить без стаи,
Как тяжело на свете без друзей.

Настала осень. Ночи всё прохладней.
Затосковал утёнок — быть беде.
И как-то в небе над озёрной гладью
Он вновь увидел стаю лебедей.

Они, взрастив птенцов своих прекрасных,
Большой семьёй на юг держали путь.
И в этот день осенний и ненастный
На озеро спустились отдохнуть.

И, позабыв про страхи и сомненья,
Утёнок из пещеры вышел днём.
Своё в воде увидел отраженье,
От счастья по воде забил крылом.

Он вовсе не утёнок и не гадкий.
Он – лебедь, только очень молодой.
Вся стая приняла его по-братски
И в тёплые края взяла с собой.

И пролетая над двором знакомым,
Услышал он весёлый птичий гвалт,
А то, что это «гадкий» был утёнок,
Никто из них, конечно, не узнал.

Все восхищались благородной птицей,
Завидовали силе и всерьёз.
Но, видно, им не суждено гордиться,
Что этот лебедь во дворе их рос.

ТРОПИНКА

Снег колючий, как льдинка, пеленой, словно дождь,
Заметает тропинку. Ты ко мне не придешь.
Не обнимешь за плечи тихо, нежно, любя,
Как в последнюю встречу для меня, для тебя.

Мы с тобою тропинку укрывали не раз
От молвы, пересудов и назойливых глаз.
И трава зеленела на тропинке весной,
А под осень чернела, покрывалась листвой.

Всё прошло, пролетели наши встречи, года́.
Налетели метели, и в судьбе — холода.
Годы, словно снежинки, тихо тают во мгле,
А на нашей тропинке в мелких солнышках снег.

Виктория Федина

ОСЕНЬ В СУРГУТЕ

Аппликации скользят по тротуарам
Вдоль заиндевелого настила.
Осень листопады угощает
Белой пудрой снега-ванилина.

В моросящий бархат октября
Окунулись ветви золотые,
Ветер им в подарок преподнёс
Платьица стеклярусно-сквозные.

В трепетно-лампадной ностальгии
Слёзы из янтарных портсигаров
Доверяют все свои тревоги
Хрусталям опаловых туманов.

БАБЬЕ ЛЕТО

Осенний томный воздух возбуждён
Дыханьем обнажённых ароматов,
Вальсирует листва златым огнём
От ветреных порывов в нон-легато.

Стою, очарования полна,
В объятиях осеннего обряда.
Врачуется простывшая душа
Горячим поцелуем листопада.

ДЫХАНИЕ ОСЕНИ

Вдох и выдох опавшей листвы —
ветер дышит,
Птичьи трели прощаются с летом —
осень слышит,
Расстелила туманы бельём навесу —
солнце сушит,
Бабьим летом спешит утолить наши души.

ОСЕННИЕ ПРОДЕЛКИ

Сентябрём рябиновым росно растревожила.
Проливным дождём крапивно огорошила.
Моросильной грустью протяжно-прельной
Заморочила чернично, акварельно.

Распростёрла русла рек в дозор непрошенно.
Просочилась проливнью растреноженной.
Растеклась, расположалась растопно-ранено
Редкой радостью — дугою радужной.

Громом брякнула раскат расхрыстисто!
Растропинила грибницы выстрельно,
Пробрусничила корзинки царственно,
Рассекретила схроны сентябрьские.

ПРИГЛАШЕНИЕ

Осень расстелила самобранку,
Пригласила в гости спозаранку.
Я решила приглашение принять —
С упоением отправилась гулять.

Встретила хозяйка листопадно,
Трелью огласила слух руладно,
Птичьим щебетом хрустально-колокольным
Распевала щедро и привольно.

В зеркалах прудов запечатлела
Кедров-канделябров капители.
Ветви в шелковистых параллелях
Паучков качали на качелях.

Под листвою арки золотистой
Ожерелье подарила из рябины,
Словно в комнате янтарной, царскосельской,
Побывала я у свет-Екатерины.

Всё, на что только способна осень,
Всё, что бережно и трепетно хранила —
Все сокровища души своей открыла,
Лишь бы я её, как Родину, любила.

НАИРА ЧИТАЕТ СТИХИ

Наире Симонян

В тебе поэзия Армении живёт,
Зовёт, трепещет, призывает к воплощенью,
Тревожит ритмом, смыслом душу жжёт,
И день, и ночь влечёт к запечатленью!

Дух родниковой свежести манит,
Ввергая в первозданность ощущений,
Великий мудрый Ереван тобой гласит,
В сердца вплавляя токи поколений!

РОЖДЕНИЕ БОГОРОДИЦЫ

Хрусталём куполов колокольный напев рассыпается —
Весть летит над Землёй — Свет Превечный
над миром рождается!
Согревает надеждой, сметает души́ разобщения,
Устраняет изъяны, выравнивает искажения.

Пусть же Свет от высокой духовной любви
разгорается!
Пусть сердца́ милосердным потоком тепла озаряются!
Пусть расплавит Любовь гро́зы тёмные зла неуемного!
Пусть восславит Любовь Бескорыстие Света нетленного!

Пусть приблизится мир к справедливости
и состраданию!
Пусть наполнится верой спасительной, истинной,
праведной!
Пусть стоглавые колокола куполов заливаются!
Нам поёт Благовест: «Богородица Дево Рождается!»

В МИНУТУ МОЛЧАНИЯ

Поминальной минутой молчания
В гордой скорби душа наполняется.
С пожелтевшей родной фотографии
Дед Арон мне живой улыбается.

«Сходство с сыном нашла», — удивляюсь я.
Отвечает душа растревоженно:
«Это память переплавляется
В твоих детях, на деда похожими!»

Взгляд весёлого парня в бушлате.
Наискось бескозырка надета.
Из военного, сорок первого,
В наше время дед шлёт приветы.

И кричит минута молчания:
«Помните! Не повторяйте горя,
Впаянного в отчаянье,
Унесённых войной в безмолвье!».

Дед мой, слышишь меня? Прости нас!
Не умеем жить в счастье и мире —
Вновь нацисты грозят нашей Родине
В оболваненном ложью эфире!

Словно слышит дед, не соглашается:
Мол, наладится мир, исправится,
Ликом чистым предстанет истина —
Ведь история не истребляется!

Поминальной минутой молчания
В гордой скорби душа наполняется.
С пожелтевшей родной фотографии
Свет надежды мне улыбается.

КОКТЕЙЛЬ ВОСПОМИНАНИЙ

* * *

Лето красное позади.
Осень стелется на пути.
Навевает воспоминанья
Ностальгия коктейльным признаньем…

* * *

Хрустальный кубик ледяной
на дно бокала положили
в ладошки белых орхидей
из бело-облачной ванили.

* * *

Слёзка-капелька костяники
И калина с целебным настоем
Окунают воспоминанья
В дом старинных часов с боем.
Стрелки-перья, миндальное время,
Кадром-кубика льда хрустального
Растревожили сонное племя
Предсказаний из мира астрального.
Карамельно-ванильноо́глядно,
Растревоженно, неудержимо
Память терпким наполнил закатом
Над Тенгинским хрустальным обрывом:

Как стояла от свежести влажной
Под крахмально-ракушечным слоем
В дымке вихря из перламутра,
Словно перед святым аналоем!
Апельсиновой косточки привкус,
Абрикосовый берег с прибоем
Обожгли, словно перечный мускус,
Расставаньем без спроса и споров.
Небо красит гранатово просинь,
Завершая путь летней отрады.
Виноградно рябинится осень,
Воскресая от росной прохлады.
Словно лекарь, бокал коктейля
Ароматом кофе с корицей
Тронул крылья ушедшего лета
Поцелуем памяти-птицы.

НЕПОСЛУШНЫЙ ЛУЧ

Солнышко в постельке убаюкал дождик,
А сыночек-лучик всё уснуть не может.
Ветер ему песенку тихо напевает,
Трепетно, заботливо ножку укрывает.

Всё же сорванцом он вертится, мелькает!
Солнечным зайчиком деток забавляет,
Думает — согреется, да не получается —
Зря надеется, зря старается.

То мелькнёт, то спрячется, а дни убывают —
Всё темней становятся, угасают.
Не сдаётся лучик, хоть тепло теряет,
Может, он чего-то недопонимает?

Ветер с дождиком теперь утро начинают,
Целый день до вечера, лучик укоряя.
То мелькнёт, то спрячется из-за серых туч —
Золотой спасительный, непослушный луч!

Людмила Фомина-Яблуновская

РОДИНА

Серою дымкой подёрнулось небо.
Боль и тоска в паровозном гудке.
Родина-Мать, как я долго здесь не был,
Встретишь меня ты в цветастом платке.

Так же поля золотятся хлебами.
Чувством широким в комок соберусь.
К тёплой земле припаду я губами,
Слёзы роняя в родимую Русь.

ОТВЕТ

Мокрая трава, большая лужа
Под окном моим, в краю ветров.
А в твоём краю и в сердце — стужа.
Рада я, что ты «пока здоров».

Всё прошло. Почти совсем чужое
Старой фотографии лицо…
Платье, прежде модного покроя,
На моей руке — твоё кольцо.

Что прислал — за всё тебе спасибо.
Память о былом накрыл туман.
«Хорошо дошла сухая рыба…»
Вот и всё — закончился роман.

МЕРА СОСТРАДАНИЯ

Как болью боль твою измерить?
Сравнить, кто больше стал страдать?
Во что же надо мне поверить,
Чтоб всё, как есть, тебе отдать?

УХОДЯЩЕМУ

Перелеском тихим похожу,
Запою, а может быть запла́чу.
На закате в осень погляжу
И зиме свидание назначу.

Перелётным клином назову
Всё, что даст Господь ещё увидеть.
С Духом Края* встречусь наяву,
Никому не дам его обидеть.

Нарисую пламенный закат,
Распишу приход зари в полнеба…
Кто ушёл, ни в чём не виноват,
Просто он со мною счастли́в не́ был.

* Дух Края — из хантыйской мифологии

ТРЕВОГА

Надрывным криком журавлей
Похолодело грустно небо.
Колючесть убранных полей…
Дым с запахом ржаного хлеба…

И терпко-прелая листва
Ковром усыпала дорогу.
И образы, а не слова,
Передают душе тревогу.

* * *

Нет, никогда он не вернёт
Дыханье жизни, запах мёда.
Мечта летит, мечта даёт
Надежду до скончанья рода.

И только трепетная нить,
Что между нами связь держала,
Поможет неги боль испить
На острие любви и жала.

ПЕРЕВОДЫ

Виктор Овсепян
Ани Тер-Гуланян
Ара Алоян
Арут Каракушян
Анаит Бостанджян

Виктор Овсепян

* * *

День двулик — тень и свет.
Я — закат, ты — рассвет,
Не сойти нам с волшебного круга,
Не поможет, что любим друг друга.

День двулик, он и светлый, и тёмный.
Вижу взор твой загадочно-томный.
Ты тоскуешь, и я весь в тоске.
Мысль-злодейка стучится в виске.

Я умру, следом — ты,
Прахом станут мечты.
На тот свет мы уйдём безвозвратно,
Там любовь к нам вернётся обратно.

День двулик — тень и свет,
Я — закат, ты — рассвет.
Пропасть-время лежит между нами,
А во всём виноваты мы сами.

День двулик — тень и свет,
Я — закат, ты — рассвет.
Не скроить нашу жизнь нам иначе,
День двулик — и слепой он, и зрячий.

Перевод с армянского Александра Любякина

* * *

Ты приходишь мне в снах, нет прощенья тебе,
Даже в снах ты приносишь мне боль.
Под моей бедной крышей кричу я во сне,
Будь помягче, не сыпь в рану соль.

Как спасение ты появилась во сне.
Ты пришла, был я беден и слаб.
Образ твой в мраке ночи я вижу в окне,
Я — твой верный и любящий раб.

Перевод с армянского Александра Любякина

Ани Тер-Гуланян

* * *

На райские зелёные поляны
Влекут ветра́ мой дух из клетки плоти,
От мелочности — к сути мирозданья
В булгаковском безудержном полёте.

Хочу весь мир объять и раствориться
Душой безгрешной в сущности небесной.
Прозрачной, невесомой стать частицей
Любви вселенской, высшей, бестелесной.

Перевод с армянского Людмилы Елистратовой

Ара Алоян

* * *

Приди, молю, чтоб я расцвёл от счастья
Наперекор ноябрьским снегопадам.
Приди. Забыв про боль ушедшей страсти,
На остановке жду, где были рядом.

Приди, любовь во мне взывает властно,
Она излечит боль, сильна, бездонна.
Приди, пусть ненавидишь. Будь прекрасной
Холодной розой, но в моих ладонях…

Перевод с армянского Людмилы Елистратовой

* * *

Вкус губ твоих меня не покидает,
Ты — день и ночь, ты — явь и сон.
Наш лёд разлук в твоих ладонях тает,
Весна моя, ручьёв весёлых звон.

Любовь твоя меня не покидает.
На сердце образ твой я наколю иглой,
Придёт апрель, и лёд разлук растает.
Ты — страсть моя, навеки твой.

Перевод с армянского Александра Любякина

* * *

Скажи, ах, скажи, что не любишь меня,
Река заблудшая, бежишь, доверясь тайне.
Но всё ж когда-то на закате дня
С тобой в любви сольемся океане.

Скажи, ах, скажи, что не любишь меня,
Мы в сад убежим ото всех тайком.
В тиши первозданной обнимешь меня,
Услышу я всё, что в сердце твоём.

Я всё позабуду, скажи, что не любишь,
Прощу все слова и сердцем кричу,
Что если другого ты страстью погубишь,
Я этого знать никогда не хочу.

Перевод с армянского Александра Любякина

Арут Каракушян

* * *

Я рождён был от вас, дано сердцу стучать.
Даже страшно когда — я не трушу.
Вы забыли меня, вам сейчас наплевать
На мою сиротливую душу.

Все законы сломал, корни выдернул зла,
Разорвал маски веры продажной.
Мне уже не взлететь — не хватает крыла,
Жизнь тонка, как кораблик бумажный.

Нынче людям меня понимать нелегко,
Путь к распятью Иисуса был труден.
А Иуда сейчас так взлетел высоко,
Что народу уже неподсуден.

Не завидую я никому никогда,
Сохранить бы на век свою честь.
А блаженны лишь те, что сходят с ума,
Не растративши злобу и месть.

Пусть ругают меня, кто захочет,
Не прилипнет ко мне эта грязь.
Мать Марию, бывает, порочат,
Не прервать им душевную связь.

Мы спасибо сейчас говорим светлым дням,
Много было героев у нас.
Как язычники мы, жертву вновь принесём,
Чтоб услышать Всевышнего Глас.

Перевод с армянского Александра Любякина

Анаит Бостанджян

ГОВОРЯТ

Говорят, что слёзы облегчают душу.
Не знаю — не знаю, у кого как.
Я ж эту правду собой не порушу.
И её подтверждаю: да, это так!

РИТОРИЧЕСКИЙ ВОПРОС

Это судьба или это случайность,
Ты на земле — Воплощение Каина.
Как удаётся тебе сохранять
облик младенца невинного?

Перевод с армянского Никона Сочихина

ТРЁХСТИШИЕ

Памяти Вовы

Если бы эта звезда не сияла так ярко,
Если бы к ней не стремился мой взгляд,
Я бы подумала, что ты где-то рядом.

НАСУЩНЫЙ ВОПРОС

О, богиня правосудия — Фемида,
Ты судишь по совести или для вида,
Когда обе чаши не ровно полны,
А стрелки весов говорят, что равны, —
Справедливо ли это?

Перевод с армянского Никона Сочихина

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Развитие любого литературного объединения неизбежно приходит к такому моменту, когда накопленная творческая энергия в виде поэтических и прозаических произведений требуют большого выхода или взрыва. Таким взрывом, подводящим итог уже пройденному пути и открывающим новые горизонты, может быть только литературный альманах или книга.

Конечно, личная творческая скорость автора может опережать темпы профессионального литературного роста коллег по литобъединению, но она же служит составляющей частью невидимого двигателя, который работает на всех участников творческого процесса.

Сургутское литературное объединение «Северный огонёк» имеет за плечами не только большой временной путь своей работы, огромный багаж творческих встреч с читателями и драгоценный опыт популяризации литературы вообще, но и немалое количество индивидуальных книг сургутских авторов, опыт участия в издании альманаха «Сургут литературный», многочисленные публикации в окружных и региональных, да и российских изданиях.

Сто́ит только вспомнить, что с деятельностью этого литобъединения были связаны творческие судьбы Петра Суханова, Георгия Ешимова, Олега Рихтера, Сергея Сметанина, Дмитрия Сергеева, Олега Никулина — известных сургутских поэтов, членов Союза писателей России.

Сегодня продолжают быть «огоньковцами» и участвуют в жизни и деятельности этого литобъединения Никон Сочихин, Александр Козловский — члены Союза писателей России, Наира Симонян — член армянского отделения Союза писателей Грузии, Леонид Гайкевич — член Российского союза писателей. А помимо них — больше двадцати человек, которые реализуют себя в работе над высокохудожественным поэтическим и прозаическим словом и очень большое число просто любителей литературы.

Не удивительно, что в деятельности литобъединения наступил очередной этап, когда просто необходим выпуск нового коллективного сборника. Для одних авторов он станет «очередным», но очень дорогим для сердца изданием, для других же — первым громким публичным печатным заявлением о выборе пути в литературе.

Название сборника «Созвучия и контрасты» очень точно отражает суть всего содержания — подборки авторов позволяют увидеть творческую особенность каждого. Разнообразны и темы произведений, хотя все они пронизаны чувством искренней любви к Родине, России и родному Сургуту.

Издание этой книги способно дополнить новыми красками и оттенками великолепную югорскую литературную палитру, добавит новые поводы югорчанам для гордости за талантливых земляков.

Татьяна Юргенсон,
член Союза писателей России

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей сборника 3

СТИХИ И ПРОЗА

Анжелика Бивол

Россия-мать 7
Россия 8
Слово 9
Наш язык 10
Заброшены книжки 11
Лукоморье 12
Пуанты 13
Трамвай несбывшихся желаний 14
Свет зажигается 15
Чудо *(сказка)* 16

Леонид Гайкевич

«Художников, поэтов, музыкантов...» 21
«Мир избавили от зла...» 22
Я родился в России 23
Петергоф 24
Канун весны 25
«Люблю я мысли мудрые в Завете...» 26
Первый снег 27
Медвежонок 28
«Я мыслю — значит существую...» 29
«В гармонии с природой нужно жить...» 30

Алексей Горский

«Истерзанная старая берёза...» 31
«О чём мне петь в своих стихотвореньях?...» 32
«Ты съёжился в парке на лавке...» 32
«Каков мой город? Он бывает разный...» 34
«Едва ль я в состоянии понять...» 35
«Иду домой, на жизнь свою пеняю...» 36
Гнус-ный убийца 37
«Я себя не узнаю...» 38
Поэт и солдат 39
Тетрадь капитана 40

Егор Елистратов

Безмятежность 41
Путь 42
Прозрение 42
Орбита 43
Посвящение поэту 44
Время 45
Сотни жизней 46
Сенсей 47
Остановись на миг 48

Людмила Елистратова

Июнь 49
Под небом северным 50
Сентябрь 51
Бунтарь 52

Коряга 53
Тюльпаны 54
Боевое крещение 55
Поздняя встреча 56
Притча 57
Неприметные дни 58

Елена Инчоль

Полужизнь 59
Интуиция 60
Измена 61
Дождь 62
Настроение 63
Мартовский кот 64
Лесная сказка 65
Птенец 66

Дана Инчоль

День рождения 67

Нина Календарева

Трава-лебеда 69
Над Сургутом солнце 70
Красные осины 71
Вместе с папой 72
С утра пораньше 73
Снежные вопросики 74
Зимнее волшебство 75
Нас покидает снег весною 76

Сыночек-голубочек *(рассказ)* 77

Александр Козловский

«Опять о чем-то горюет небо...» 79
Вербное Воскресенье в Сургуте 2000 г. 80
«В самом конце бесконечности...» 81

Любовь Коробкина

Философия жизни 83
Говорите о любви поэтам 84
Когда приходит Муза 85
«Одуванчики-бубенчики...» 86
«Какая прелесть...» 86
Рассвет 87
«Листья — жёлтые заплатки...» 87
В плену белых ночей 88
Я гадаю на ромашке 89
«Напиталась дождями земля...» 90
«Свечи волнующее пламя...» 91
«Годы наши так несутся...» 91
«Чтоб умереть, когда увидела Париж!?!...» 92
«Невидимою кистью...» 92

Александра Лазарева

«Всколыхнулась зорька тихая...» 93
Родительский дом 94
Там наша деревня была 95
Невеста 96
«Деревья осенние...» 97

«Невестка сыну дарит дочь...» 98
Бабушке Наталье 99
«Иван — крестьянский сын...» 100
«Балалайка, частушка, гармошка...» 101
«А сколько мне счастья осталось до тризны?...» 102

Надежда Лишманова

Расставание 103
«Я не была на той войне...» 104
На краю перрона 105
Негасимый свет 106
Откуда? 107
Снегири 108

Александр Любякин

Русь 109
Ревность 110
Пчела и муха 111
Август 112
«В старой гавани якорь я бросил...» 113
Предзимье 114
«Даль то ясна, а то туманна...» 115
Страсть 116
Хрупкий мир 117
Пробуждение 118

Николай Ослоповских

Крапива 119
Утро 120

Обновление 121
Зима 122
Задира 123
Ещё вчера 124
Первая любовь 125
«Блистать и очаровывать...» 126

Людмила Премудрых

Алёшка 127
Лесовичок 128
Домашний доктор 129
Нота «Ля» 130
Язычок 131
Грамотей 132
Зебрёнок 133
Маленький «генерал» 134
Как папа 134
Праздник папы 134
Малыши 135
Наседка 136
Поганки 137
Конюх *(рассказ)* 138

Вячеслав Сазанович

Случай на охоте 151
«Кипит работа!...» 152
«Просыпалась соль из небесного ситца...» 153
Заплясали мысли… 154
Полуночная роса 155

Безумное лето 156
«Этой ночью случилась беда...» 157
«Незадёрнутые шторы...» 158
Ранняя гроза 159
«На свете где-то есть земля...» 160
Метаморфозы *(рассказ)* 161

Наира Симонян

«Звучит аккорд осенний с си минора...» 165
Римский псалом 166
«Дни улетают, словно птицы осенью...» 167
Не прощай 168
Мама 169
«Я жизни путь под письменами скрыла...» 170
Я не принцесса жизни 171
«Громада сомнений в душе у меня…...» 172
«Вот парадокс: я, как эфир — прозрачна...» 173
«Прости меня, милая осень, прости...» 174

Маргарита Сладкова

Небесные знаки 175
Песочные скульптуры 176
Delicacy 177
Бесконечное 178
Вечерняя метель 180
Белая сказка о Кристаллике 181
Как создатель 182
Ни проза, ни поэзия, но Слово 183
Сквозь шум взбивания 184

Лиса-небеса (рассказ) 186
Цветок Времени *(новелла-видение)* 189

Сергей Сметанин

Любовь к Югре 193
Водительское 194
Элегия 195
На Вахе 196
«На Сайме, среди кедров темноликих...» 198
Весенняя минута 200
Шофер 201
Снегопад..... 202
Июль в Сургуте 203
Без грешной прозы 204

Никон Сочихин

«Мы обживали топи и болота...» 205
«Городок нефтяников...» 206
«Мы не зря привыкли называться...» 207
«Сибиряк по рождению, русоволос...» 208
Дороги наших отцов..... 209
Здравствуй, мама!.....210
Сомнения 211
«Рио-Рита».....212
«То не гуси прокричали...» 214

Алексей Томшин

«Серебрится на реке лунная дорожка...» 215
«Я двоих, как прежде обнимаю...» 216

С деревьев невесомо падал снег 217
Свидание 218
Гитара 219
«Снова гуси с юга возвращаются...» 220
Берега.... 221
Одуванчик 222
Гадкий утенок.... 224
Тропинка.... 226

Виктория Федина

Осень в Сургуте.... 227
Бабье лето.... 228
Дыхание осени.... 229
Осенние проделки 230
Приглашение 231
Наира читает стихи 232
Рождение Богородицы 233
В минуту молчания.... 234
Коктейль воспоминаний.... 236
Непослушный луч 238

Людмила Фомина-Яблуновская

Родина 239
Ответ.... 240
Мера сострадания.... 240
Уходящему 241
Тревога.... 242
«Нет, никогда он не вернёт...» 242

ПЕРЕВОДЫ

Виктор Овсепян

«День двулик — тень и свет...» 244

«Ты приходишь мне в снах, нет прощенья тебе...» 245

Ани Тер-Гуланян

«На райские зелёные поляны...» 246

Ара Алоян

«Приди, молю, чтоб я расцвёл от счастья...» 247

«Вкус губ твоих меня не покидает...» 248

«Скажи, ах, скажи, что не любишь меня...» 249

Арут Каракушян

«Я рождён был от вас, дано сердцу стучать...» 250

Анаит Бостанджян

Говорят 251

Риторический вопрос 251

Трёхстишие 252

Насущный вопрос 252

Татьяна Юргенсон

Послесловие 253